

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ

Xe CONGRES INTERNATIONAL D'ETUDES BYZANTINES

З. В. УДАЛЬЦОВА

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Z. V. OUDALTSOVA

**LES PROBLEMES FONDAMENTAUX
DE LA BYZANTINOLOGIE ET LA SCIENCE
HISTORIQUE SOVIETIQUE**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1955

Z. V. OUDALTSOVA.

**LES PROBLEMES
FONDAMENTAUX
DE LA BYZANTINOLOGIE
ET LA SCIENCE HISTORIQUE
SOVIETIQUE**

EDITIONS DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Moscou—1955

З. В. УДАЛЬЦОВА

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1955

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

История Византии всегда привлекала к себе особое внимание историков и публицистов нашей родины. Еще в Киевском государстве связи, существовавшие тогда с Византией, и особенно борьба с попытками последней подчинить себе — политически и идейно — народы нашей страны, обусловили интерес древнерусских авторов не только к различным сторонам современной им жизни Византии, но и к ее прошлому, к общей оценке ее исторической роли. Уже в X—XI вв. на Руси появились первые переводы византийских хроник, в том числе Иоанна Малалы, Георгия Синкелла и Георгия Амартола. Активно выступавшая против теократических притязаний Византии древнерусская историческая и публицистическая литература («Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и др.) широко и вполне самостоятельно использовала фактический материал этих хроник, давая свою концепцию исторического процесса и освещение места в нем Византийской империи. Интерес к истории Византийского государства и древностям его столицы Константинополя проявляется и в «хождениях» русских путешественников в Царьград. Из них особенно большой интерес представляют: хождение новгород-

ского архиепископа Антония около 1200 г., незадолго до взятия столицы Византийской империи крестоносцами; хождение Стефана Новгородца в XIV в.; описание Константинополя начала XIV в. и др. На более широкой основе и с привлечением нового материала (в частности, хроник Константина Манассия, Иоанна Зонары, Бrevиария патриарха Никифора и др.) рассматривалась история Византии и причины гибели империи в литературе периода оформления и укрепления Русского национального централизованного государства — в летописных сводах XV—XVI вв. и так называемых хронографах, в публицистических выступлениях Пересветова, Курбского, Ивана Грозного и др., в лучших исторических произведениях XVII в. В XVIII в. круг византийских источников, используемых русскими историками, еще более расширился, а с первой половины XIX в. в России начинают появляться как общие обзоры византийской истории, рассчитанные на широкие круги читателей (например, работа И. Д. Ертова), так и специальные исследования, посвященные ее отдельным периодам или вопросам (работы И. М. Снегирева, П. Е. Медовикова, А. П. Зернина и др.). В 50—60-х годах XIX в. количество византиноведческих изданий еще более возрастает (работы Г. Г. Гагарина, В. И. Григоровича, М. М. Стасюлевича, Э. Муральта, Порф. Успенского, В. С. Иконникова и др.), еще более расширяется их тематика, и именно с этого времени византиноведение становится особым разделом исторической науки.

Своего расцвета русское дореволюционное византиноведение достигло в последней трети XIX в. В этот период оно бесспорно занимало ведущее место в византиноведческой науке. Его основной особенностью, обу-

словленной своеобразием исторического развития России во второй половине XIX в., было исключительное внимание к вопросам внутренней истории Византии, главным образом — к социально-правовой стороне византийского аграрного строя и роли славянской общины в социальной эволюции Византийской империи. И хотя на общую направленность исследований, посвященных этим вопросам, наложили свой отпечаток идеалистическая методология ученых и политические требования царизма, — огромное количество нового фактического материала, впервые поднятого этими исследованиями, прочно вошло в фонд византиноведческой науки. Самыми выдающимися византинистами этого периода были: В. Г. Васильевский (по его инициативе и под его редакцией с 1894 г. издавался журнал «Византийский временник»), Ф. И. Успенский (один из организаторов и директор Русского археологического института в Константинополе) и — в области византийского искусства — Н. П. Кондаков. Кроме того, серьезное значение имели работы Т. Д. Флоринского, Н. А. Скабалановича, В. Р. Розена, Ф. А. Терновского, Д. И. Азаревича (история византийского права), А. И. Кирпичникова (византийская литература), С. Ю. Дестуниса, Д. Ф. Беляева и др. К концу XIX — началу XX в. относятся работы таких видных русских византинистов, как К. Н. Успенский, С. П. Шестаков, Ю. А. Кулаковский, В. Э. Регель, В. Н. Бенешевич, П. В. Безобразов, Б. А. Панченко и др.¹

Совершенно новый этап в развитии византиноведения в нашей стране начался после Великой Октябрьской социалистической революции. Важнейшей особенностью советского византиноведения, принципиально отличающего его от русского дореволюционного, является

ся его идейно-теоретическая основа — марксизм-ленинизм.

Советские византисты широко используют лучшие достижения русского и зарубежного византиноведения XIX—XX вв. решительно, однако, отказываясь от его идеалистической методологии и политических идей².

В нашей стране немало сделано по организации работы историков в области византиноведения. Научным центром, направляющим и координирующим работу всех советских византистов, является группа по изучению истории Византии под руководством академика Е. А. Косминского при Институте истории АН СССР в Москве. Почти ежегодно проводятся научные сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященные вопросам византиноведения. Под редакцией академика Е. А. Косминского выходит в свет новая серия «Византийского временника», ставшего средоточием исследовательской мысли всех советских византистов. За последние годы опубликованы семь томов «Византийского временника» и три тома подготовлены к печати. Кроме того, византиноведческие работы публикуются в других исторических журналах и в ученых записках высших учебных заведений. Издан ряд монографий советских ученых, посвященных истории Византии. В 1940 г. вышел в свет первый обобщающий марксистский труд «История Византии» М. В. Левченко³, переведенный ныне в ряде стран Европы. Значительное место истории Византии отводится в новом издании учебника по истории средних веков для высших учебных заведений под редакцией академика Е. А. Косминского и члена-корреспондента АН СССР С. Д. Сказкина⁴, а также в подготовляемом к печати многотомном коллективном труде со-

ветских историков «Всемирная история»⁵. Подготовка молодых византинистов проводится в Институте истории АН СССР и на кафедрах истории средних веков в Московском, Ленинградском и других университетах нашей страны. Значительного размаха за последние годы достигли византиноведческие исследования в Армении, Грузии и других союзных республиках.

Советские историки выступают против ошибочной теории европоцентризма, не признававшей за народами Восточной Европы и Азиатского Востока права на самостоятельное историческое существование, и стремятся выявить подлинное историческое место этих народов во всемирно-историческом процессе. В связи с этим значительное внимание наши историки уделяют изучению истории Византии, сыгравшей немаловажную роль в судьбах Восточной Европы и Ближнего Востока. При этом советские византинисты выступают против какого бы то ни было принципиального противопоставления исторического развития Византии развитию других стран. Они изучают историю Византии под углом зрения выяснения общих закономерностей исторического развития в их исторической конкретности, с учетом специфики проявления этих закономерностей в истории Византии.

Для выяснения роли Византии в истории человечества советские историки обратились прежде всего к сравнительно-историческому изучению особенностей социально-экономического развития Византии, что помогает уяснению общих закономерностей исторического процесса в Византийской империи. Исходя из марксистско-ленинского учения о прогрессивной смене в истории человечества господствующих типов производственных отношений (социально-экономических формаций),

советская историческая наука рассматривает историю Византии как историю феодального общества.

В центре внимания ученых находится изучение своеобразия византийского феодализма, выяснение сходства и различия в развитии феодальных отношений в Византии по сравнению с другими странами Восточной и Западной Европы и Ближнего Востока. Такое сравнительно-историческое изучение истории Византии не только помогает уяснению особенностей развития самой Византии, но и дает ценный материал для истории всех стран, так или иначе соприкасавшихся с империей. В частности, оно необходимо для выяснения подлинной исторической роли народов Юго-Восточной Европы и Передней Азии.

В связи с изучением феодальных отношений в Византии в их развитии и изменении — с момента зарождения элементов феодализма в недрах рабовладельческого общества до начала разложения феодального способа производства в византийском государстве — особое значение приобретает всестороннее исследование проблемы перехода от рабовладельческого строя к феодализму.

Изучение вопроса о смене рабовладельческой формации феодальной входит в круг научных интересов ряда античников и медиевистов (А. В. Мишулин, С. И. Ковалев, Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмов, А. Д. Дмитрев, З. В. Удальцова и др.).

Однако до последнего времени эта проблема изучалась как на Западе, так и у нас преимущественно на материале истории Западной Римской империи. Тем настоятельнее была необходимость разработки этого вопроса в сравнительно-историческом плане, т. е. и на материале истории Восточной Римской (Византийской) империи. Одним из первых среди советских

историков к изучению этой проблемы обратился А. В. Мишулин, который стремился вскрыть общие закономерности перехода от рабовладения к феодализму в западной и восточной частях Римской империи⁶. Крушение рабовладельческого строя и начало формирования феодализма в Византии и других странах Ближнего Востока составляют предмет многолетних исследований Н. В. Пигулевской. В своих работах Н. В. Пигулевская исследует процесс перехода от рабовладельческой формации к феодальной в Иране, Южной Аравии, Византии и ее провинциях — Сирии, Египте и Северной Африке⁷. Весьма интересные наблюдения, характеризующие кризис рабовладельческой системы в сельском хозяйстве Византии, были сделаны М. В. Левченко в нескольких исследованиях, специально посвященных социально-экономической истории империи V—VII вв. Так, в работе «К истории аграрных отношений в Византии в VI—VII вв.» он привлек ценные материалы египетских папирусов для характеристики аграрного строя Византии в изучаемую им эпоху, в частности для выяснения внутренней структуры византийских латифундий и положения сельского зависимого населения в империи. Тот же автор в работе «Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи в V—VI вв.» на основании анализа папирологических и эпиграфических источников пришел к выводу о сохранении в Византии V—VI вв., наряду с крупным землевладением, мелкого свободного землевладения и сельской общины. К указанной работе непосредственно примыкает другое исследование М. В. Левченко «Церковные имущества в Восточно-Римской империи V—VI вв.», в котором дается характеристика крупного церковного землевладения в Византии того времени⁸. Общественный строй

византийских городов в IV—VI вв., особенности проявления кризиса рабовладельческой системы в городах, организация в них ремесла и торговли, экономические связи Византии со странами Востока, в частности с Индией и Китаем, через Иран, Среднюю Азию, Аравию и Эфиопию, являлись предметом изучения византиниста и востоковеда Н. В. Пигулевской⁹, а также других советских историков (М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмов и др.)¹⁰.

В своих трудах эти исследователи пришли к выводу о том, что в Восточной Римской империи, так же как и в Западной, рабовладельческие отношения в IV—VI вв. уже превратились в тормоз дальнейшего общественного развития и были разрушены в результате восстания рабов и колонов, выступавших совместно с борющимися против рабовладельческой империи славянами и другими народами.

Советские ученые (М. В. Левченко, Н. В. Пигулевская, А. П. Дьяконов, А. Д. Дмитриев, М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова и др.), исследуя проблему крушения рабовладельческого строя в Восточной Римской империи, вместе с тем занялись разработкой вопроса о характере и формах классовой борьбы народных масс в период перехода от рабовладения к феодализму. Эти историки показали, что особенности социально-экономического развития Восточной Римской империи в IV—VII вв. наложили отпечаток и на классовую борьбу того времени. Так, например, своеобразие аграрного строя Восточной Римской империи по сравнению с Западной — значительное распространение колоната, сближение положения рабов и колонов, наличие свободного крестьянства — обусловили совместные действия рабов, колонов и разоренного крестьянства

во время революционных выступлений народных масс в IV—VII вв. Этим же объясняется и более значительная роль колонов (наряду с рабами) в освободительной борьбе народных масс в Восточной Римской империи, чем в Западной.

А. Д. Дмитриев на основании изучения обширного конкретно-исторического материала впервые обстоятельно осветил такие массовые выступления рабов и колонов, как движение скамаров в придунайских провинциях империи в V—VI вв., восстание рабов, колонов и наемников—«варваров» в Малой Азии на рубеже IV—V вв. под руководством Трибигильда, движение так называемых *latrones* в Сирии, Палестине и Египте¹¹. Другие исследователи изучали восстания в византийской армии в VI в., народно-еретические движения в ранней Византии и ряд широких выступлений народных масс того времени¹².

Наличие в Византии крупных городов с многочисленным торгово-ремесленным населением определило выдающуюся роль народных масс города в революционных выступлениях в империи в IV—VII вв. В связи с этим историки (А. П. Дьяконов, М. В. Левченко, Н. В. Пигулевская, М. Я. Сюзюмов и др.)¹³ рассмотрели вопрос о характере движения димов и борьбе цирковых партий в ранней Византии, показав, что движение димов являлось одной из форм классовой борьбы народных масс византийских городов. Это нашло наиболее яркое выражение в вспыхнувшем в Константинополе в правление Юстиниана широком народном восстании «Ника». Вместе с тем некоторые наши исследователи считают, что само правление императора Юстиниана являлось одной из последних попыток правительства империи не только сохранить рабовла-

дельческие отношения на Востоке, но и реставрировать их на Западе.

Византийское завоевание VI в. было связано с попытками восстановления на Западе крупного землевладения и возвратом освободившихся рабов и колонов их прежним хозяевам, реставрацией римской налоговой системы и укреплением влияния рабовладельческой аристократии и высшего духовенства. Особое внимание советских исследователей привлек вопрос об отношении населения завоеванных областей к византийским завоевателям. При этом было установлено, что византийское завоевание несло народным массам новое порабощение, ухудшало положение рабов, колонов, свободного крестьянства. Все попытки правительства Юстиниана, опираясь на поддержку рабовладельцев и католического духовенства, реставрировать рабовладельческие отношения на Западе (в Северной Африке, Италии и Испании) наталкивались на самое упорное, поистине героическое сопротивление народных масс этих областей. Так, например, против реставраторской политики Юстиниана в 30—40-х годах VI в. вспыхнуло массовое народное восстание в Северной Африке под руководством Стотзы, в котором приняли участие солдаты самой византийской армии, рабы, колоны, угнетенные туземные племена¹⁴.

Еще более упорное сопротивление византийское завоевание встретило в Италии, где в середине VI в. развернулась народно-освободительная война под руководством Тотилы, активными участниками которой являлись восставшие рабы, колоны, угнетенное римское и остготское крестьянство¹⁵.

Изучение народных движений в империи IV—VI вв. дало возможность нашим ученым выявить революцион-

ный характер перехода от рабовладения к феодализму не только в Западной, но и в Восточной Римской империи. Вместе с тем византилисты (Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова и др.)¹⁶ стремились вскрыть и своеобразие этого процесса в Византии по сравнению с Западом. В то время как Западная Римская империя уже в V в. пала под ударами революционных восстаний рабов и колонов и вторжений так называемых «варваров», в Восточной Римской империи процесс революционного перехода от рабовладения к феодализму оказался более длительным и затянулся вплоть до начала VII в.

Более затяжной характер кризиса рабовладельческого способа производства в Восточной империи по сравнению с Западной и ее несколько бóльшая устойчивость были обусловлены своеобразием предшествовавшего социально-экономического и политического развития восточных областей Римской империи. Это выразилось в сравнительно бóльшем распространении колоната на Востоке, чем на Западе, в значительно бóльших масштабах сохранения свободного крестьянства и крестьянской общины, в более высоком уровне развития ремесла и торговли в городах, что давало большие экономические ресурсы господствующему классу Восточной Римской империи в борьбе с народными движениями и наступлением соседних племен и народов.

Вместе с тем нашим исследователям удалось проследить связь восстаний рабов и колонов в Византии V—VI вв. с наступлением на империю соседних народов, в частности славян¹⁷. Тем самым они показали, что процесс крушения рабовладельческого строя в Восточной Римской империи в этом отношении был однотипен с аналогичным процессом на Западе.

В трудах историков и археологов (академика Б. Д. Грекова, П. Н. Третьякова, А. В. Мишулина, М. В. Левченко, А. П. Дьяконова)¹⁸ по-новому был разработан вопрос о роли славян в судьбах Восточной Римской империи. При этом было выявлено, что прогрессивное значение колонизации славянами значительной части территории Восточной Римской империи не ограничивалось тем, что славяне способствовали разрушению старых рабовладельческих отношений. Влияние общественного строя славян на социально-экономическое развитие империи помогало созиданию новых, более прогрессивных феодальных отношений. Выявлению этой прогрессивной роли славян в истории Византии чрезвычайно помогло изучение историками-славистами общественного строя древних славян. На основании новейших археологических разысканий и анализа письменных памятников историки и археологи осветили общественный строй древних славян, показали, как протекал у древних славян процесс разложения общинно-родового строя и формирования феодальных отношений (П. Н. Третьяков, Б. А. Рыбаков, М. Ю. Браичевский, В. В. Мавродин и др.)¹⁹. Ценным вкладом в разработку этой важной проблемы является труд П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена». В этом труде по-новому ставится вопрос о происхождении славян, намечаются основные вехи их истории в период господства первобытно-общинного строя, прослеживаются дальнейшие судьбы восточных славян в эпоху разложения первобытно-общинного строя и борьба славян с рабовладельческими государствами Средиземноморья и Причерноморья (в том числе и Византией). Выявление историками и археологами сравнительно высокого уровня социально-экономического развития

славян во время Балканских войн VI—VII вв. помогло уяснению воздействия их общественного строя на социально-экономические отношения в Византийской империи.

Таким образом, новейшие исследования советских историков показали выдающуюся роль славянских племен в исторических судьбах Восточной Римской империи, во многом аналогичную роли германцев и других так называемых «варварских» народов в истории Западной Римской империи.

Однако далеко еще не все вопросы, связанные с проблемой перехода от рабовладения к феодализму, можно считать разрешенными. Поэтому в настоящее время среди советских историков развернулась оживленная и весьма плодотворная научная дискуссия по проблеме крушения рабовладельческого строя и замены его феодальным, в которой приняли участие также и историки-византилисты. В ходе этой дискуссии выявились некоторые расхождения во взглядах отдельных ученых, в частности, по вопросу о времени гибели рабовладельческого строя в Византии²⁰. Нет сомнения, что дальнейший обмен мнениями по данному вопросу будет способствовать окончательному разрешению этой важной проблемы.

Внимание византинистов было привлечено также и к изучению такой сложной проблемы, как проблема становления феодализма в Византии. При этом они показали выдающуюся роль славянских племен в формировании феодальных отношений в византийском государстве. На основании исследования разнообразных письменных источников (в частности, «Земледельческого закона»), а также археологических изысканий советские историки (Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов и др.)²¹

осветили вопрос о влиянии свободной славянской общины на развитие феодальных отношений в Византийской империи и стремились выяснить истинные масштабы и характер тех важнейших перемен, которые были внесены славянской колонизацией в общественный строй Византии. В трудах М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмова и др.²², на основании сравнительно-исторического изучения процесса формирования феодальных отношений в ряде стран Востока и Запада, выявлены некоторые важные особенности становления феодализма в Византии. В то время как на Западе в период становления феодальных отношений наблюдался почти полный упадок ремесла и торговли и запустение городов, в Византии в этот же период сохранялись крупнейшие городские центры, являвшиеся средоточием развитого ремесленного производства и торговли, а также хранителями высокой материальной и духовной культуры античного времени. Сохранение городов как центров ремесла и торговли наложило отпечаток на процесс формирования феодализма в Византии, способствуя несколько меньшей натурализации ее хозяйства.

Производственные отношения в византийских городах в период формирования феодализма изучались за последние годы М. Я. Сюзюмовым, Е. Э. Липшиц, А. П. Кажданом и другими учеными²³. М. Я. Сюзюмовым был издан перевод на русский язык памятника X в., так называемой «Книги Эпарха», являющейся ценным источником по истории внутренней организации византийских цехов²⁴.

На основании изучения законодательных памятников, агиографической и эпистолярной литературы и данных византийских хроник исследователи осветили роль византийских городов в общем процессе формиро-

вания и развития феодализма в Византии, установив, что социально-экономическое развитие византийских городов в раннее средневековье было органически связано с общими изменениями во всем общественном строе Византийской империи. Не отрицая преемственности византийских городов от римских и эллинистических, наши ученые в то же время показали феодальный характер византийских городов X в. Вместе с тем византилисты выявили черты сходства и различия в структуре византийских и западноевропейских ремесленных и торговых корпораций, отметив, что особенности в организации византийских цехов в свою очередь явились результатом специфики социально-экономического и политического развития Византии в период формирования феодализма. Сохранение в этот период в Византийской империи централизованного государства объясняет, например, относительную внутреннюю слабость византийских цехов и строгость государственной регламентации. Более длительное сохранение пережитков рабовладения в Византии обусловило применение в значительных масштабах рабского труда в византийском ремесле еще X в. Спецификой византийского ремесла было также применение труда наемных работников — мистиев. В связи с этим в отличие от западноевропейских цехов, где господствовало деление на мастеров, подмастерьев и учеников, в византийских ремесленных эргастериях существовало четырехчленное деление на хозяев эргастерий, рабов (квалифицированных работников или помощников), наемных работников-мистиев и учеников.

Отказавшись от идеализации византийской системы организации ремесла, М. Я. Сюзюмов на основании источников показал крайне тяжелое положение трудо-

вого населения византийских городов, особенно рабов и мистиев, вскрыл социальные противоречия внутри цехов, доказав тем самым ошибочность теории о мнимом привилегированном положении работников византийских ремесленных мастерских, в частности мастерских, производящих драгоценные шелковые ткани²⁵.

Итоги многолетних исследований М. Я. Сюзюмова в области изучения внутренней структуры византийских городов подведены в его труде «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма»²⁶.

Другой весьма важной отличительной чертой процесса складывания феодальных отношений в Византии являлось то, что формирование феодализма происходило здесь в условиях сохранения единого и до известной степени централизованного государства. В то время как на развалинах Западной Римской империи возник ряд обособленных и не зависящих друг от друга и весьма неустойчивых «варварских» королевств, Византия и в раннее средневековье представляла собой единый государственный организм с единой централизованной властью и разветвленным бюрократическим аппаратом государственного управления.

Третье весьма важное отличие Византии от стран Западной Европы в период формирования феодализма состоит в сохранении в Византии высокой культуры и образованности. В раннее средневековье, когда на Западе наблюдается упадок духовной и материальной культуры и забвение многих замечательных культурных ценностей, созданных античностью, Византия остается как бы островком античной цивилизации, получившей свое дальнейшее, своеобразное развитие

под воздействием культуры народов, заселивших территорию империи.

При изучении становления и развития феодального способа производства в Византии советские историки особое внимание обращают на формирование феодальной земельной собственности и формы закрепощения византийского крестьянства, выявляя особенности в положении феодально-зависимого крестьянства в Византии по сравнению со странами Западной и Восточной Европы (устойчивость свободной сельской общины в связи с поселением славян на территории империи, ббльшая, чем на Западе, роль централизованной ренты в связи с сохранением государства и др.)²⁷.

Изучение аграрного строя Византии привело советских исследователей к выводу, что в Византийской империи к началу XI в. уже полностью сложились феодальные отношения, и тем самым оспаривается мнение некоторых зарубежных ученых, утверждавших, что феодализм якобы был принесен в Византию с Запада крестоносцами после завоевания Византии в 1204 г., во время четвертого крестового похода.

Предметом исследования византинистов являлись также и антифеодальные крестьянские движения раннего средневековья, например движение павликиан (Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, С. Т. Мелик-Бахшян и др.)²⁸.

На большом конкретно-историческом материале разрабатывалась нашими учеными история одного из наиболее массовых антифеодальных народных движений раннего средневековья — восстания Фомы Славянина (821—823)²⁹ — изучалась роль народных восстаний IX—X вв. в дальнейших судьбах империи³⁰.

Немало весьма сложных вопросов ставит перед ис-

следователями и последний период существования Византийской империи (XIII—XV вв.). Необходимо при этом отметить, что длительное время социально-экономические отношения в поздней Византии были наименее изучены в нашей исторической литературе. Однако за последние годы византилисты стремились восполнить этот пробел в историографии. Основное внимание их было направлено на изучение аграрного строя поздней Византии, в первую очередь на выявление специфических особенностей так называемого «поздневизантийского феодализма». В этой связи следует упомянуть работу Б. Т. Горянова «Византийское крестьянство при Палеологах»³¹, в которой автор на основании актового материала исследует положение византийского крестьянства в XIII—XV вв., прослеживает изменения в формах феодальной зависимости крестьянства, судьбах сельской общины. Анализ аграрных отношений в поздней Византии посвящены также труды А. Ф. Вишняковой, И. И. Соколова, Е. Черноусова и других историков³².

Некоторые советские историки рассматривают последний период существования Византии как время, когда уже началось разложение феодальных отношений в империи. Развитие товарно-денежных отношений, расслоение внутри крестьянства, по их мнению, создали предпосылки для зарождения внутри феодальной формации элементов нового, капиталистического уклада. Эту точку зрения отстаивает в своей работе «Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.» А. П. Каждан. Его поддерживают и другие историки³³.

Анализ социально-экономических отношений в поздней Византии позволяет выяснить внутренние причины гибели византийского государства в XV в. Важнейшей

из этих причин был экономический упадок, явившийся следствием назревавшего несоответствия между развивавшимися производительными силами византийского общества и тормозившими это развитие феодальными производственными отношениями³⁴. С этим было связано обнищание крестьянства и плебейских масс города, обострение классовой борьбы в империи³⁵.

В последний период византийской истории, ознаменовавшийся началом разложения феодальных отношений, на основе важных изменений в экономике византийской деревни и города меняется и характер классовой борьбы в византийском государстве. На смену исключительно крестьянским антифеодальным движениям приходят совместные выступления феодально-зависимых крестьян и угнетенных плебейских масс города. Вследствие того, что в византийских городах хотя и медленно, но все же зарождались элементы капиталистического уклада и формировались новые общественные силы, классовая борьба в Византии в XIV в. вступила в новую фазу развития. Крепостной крестьянин теперь уже не был одинок в своей борьбе против феодалов, а выступал рука об руку с не менее, чем он, обездоленным городским ремесленником и наемным работником. В это время антифеодальные, крестьянские движения во Фракии и Македонии сливаются с восстаниями плебейских масс и торгово-ремесленного населения Фессалоники и Адрианополя. Наиболее ярко изменение характера классовой борьбы в Византии XIV в. отразилось в восстании зилотов в Фессалонике (1342—1349).

Фессалоникийская коммуна явилась одной из наиболее ранних провозвестниц будущих классовых боев нарождавшегося бюргерства в союзе с крестьянством и плебейскими массами города. Сила Фессалоникий-

ской коммуны, давшая ей возможность устоять в течение семи лет под ударами объединившихся врагов, состояла в союзе народных масс города с зависимым крестьянством; ее слабость, обусловившая гибель республики зилотов, таилась в недостаточной политической зрелости городских классов, в отсутствии соответствующих экономических условий для созревания и консолидации класса буржуазии и класса пролетариата. Изучению восстания зилотов посвящены труды А. К. Бергера, Б. Т. Горянова, А. П. Каждана и других исследователей ³⁶. Б. Т. Горянов на основании анализа источников показал участие в восстании зилотов широких крестьянских масс Фракии и Македонии и выявил антифеодальный характер движения. А. П. Каждан поставил вопрос о социальном расслоении среди участников восстания зилотов, показал предательскую политику торгово-ремесленной верхушки Фессалоники, наметил этапы движения. Большое значение для понимания характера восстания зилотов имеет изучение этими исследователями программы социально-экономических реформ зилотов и их деятельности в области осуществления этой программы.

Видное место в трудах советских историков занимает изучение международного положения Византии и взаимоотношений Византийской империи со странами Восточной и Западной Европы и Азиатского Востока.

Наибольших результатов добились наши ученые в области изучения отношений Византии со славянскими странами, в частности с Киевским государством. В трудах советских ученых (Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, В. И. Пичета, А. В. Мишудина, М. В. Левченко и др.) ³⁷ большое вни-

мание уделяется изучению вопроса о происхождении восточных и южных славян и их взаимоотношениях с Византией.

В тесной связи с разрешением проблемы происхождения древних славян находится и другой разрабатываемый советскими учеными вопрос — о возникновении первых государств у восточных и южных славян. Поскольку образование первых славянских государств на Балканском полуострове протекало в обстановке ожесточенной борьбы с Византийской империей, наши историки обратились к изучению взаимоотношений славянских народов и Византии в этот период (П. Н. Третьяков, С. А. Никитин и др.)³⁸. Итоги новейших исследований по вопросу об образовании болгарского государства и его взаимоотношениях с Византией даются в обобщающем коллективном труде советских историков «История Болгарии»³⁹.

Историки и археологи, занимавшиеся древней историей нашей родины и, в частности, вопросом образования Киевского государства, естественно касались и взаимоотношений Византии и Руси в раннее средневековье (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, М. В. Левченко и др.)⁴⁰. Привлекая новые данные русских и византийских источников и критически пересматривая уже известные в научной литературе сведения византийских авторов, советские историки привели новые важные свидетельства, подтверждающие выводы русского византиниста В. Г. Васильевского о том, что первые походы Руси на Византию были совершены еще до 860 г. Тем самым были получены дополнительные доказательства существования Древнерусского государства еще до появления на Руси династии Рюриковичей и лишней раз обнаружилась

полная научная несостоятельность норманской теории происхождения Киевского государства ⁴¹.

Изучая походы Руси на Византию в IX—X вв. и русско-византийские договоры X в., наши историки (Б. Д. Греков, М. В. Левченко и др.) показали, что походы руссов на Византию не являлись лишь «грабительскими» военными набегами, как их изображали некоторые исследователи, а были обусловлены важными экономическими и политическими причинами. Эти походы не ставили целью лишь захват военной добычи, а выражали стремление Руси получить доступ в качестве равноправной стороны к крупнейшему рынку того времени — Константинополю и заставить Византию считаться с новым фактором в международной политике — Киевским государством ⁴².

Предметом специального исследования советских историков за последние годы служили также международные отношения, сложившиеся на Балканском полуострове в X в. во время походов русского князя Святослава в Болгарию (академик М. Н. Тихомиров, М. В. Левченко, П. О. Карышковский и др.) ⁴³. М. Н. Тихомиров в своей работе «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.» на основании анализа разнообразных источников показал, что во время второго похода русского князя Святослава в Болгарию начал складываться союз русского и болгарского народов против Византии и перешедшей на ее сторону болгарской знати. Основой этого союза были древние экономические, политические и культурные связи Руси и Болгарии. Этот союз был обусловлен также агрессивной политикой Византии по отношению к странам Западного Причерноморья. Эти взгляды, впервые высказанные в нашей

исторической литературе М. Н. Тихомировым, в дальнейшем были развиты в работах М. В. Левченко и П. О. Карышковского. Последний, кроме того, на основании сопоставления данных русских, византийских и восточных источников уточнил датировку Балканских походов Святослава ⁴⁴.

Русско-византийские отношения при князе Владимире, являвшиеся предметом изучения многих русских дореволюционных и советских ученых, были недавно вновь исследованы М. В. Левченко, уточнившим ряд спорных вопросов относительно первоначальной организации русской церкви. М. В. Левченко уделял также значительное внимание изучению византийских источников, содержащих сведения о Киевском государстве, продолжая в этом отношении лучшие традиции русского дореволюционного византиноведения (В. Г. Васильевский и др.). В частности, он еще раз пересмотрел вопрос о датировке и локализации такого «загадочного» памятника, как «Записка греческого топарха». При этом он пришел к выводу, что местом действия греческого топарха, автора «Записки», является не Крым (как считали некоторые исследователи), а Поднестриевье; события же, описанные в этом памятнике, относятся к концу X в. — ко времени правления киевского князя Владимира и войны византийского императора Василия II с болгарским царем Самуилом. Анализ памятника дал возможность М. В. Левченко сделать и еще другой важный вывод о том, что Киевская Русь в княжение Владимира поддерживала тесные связи с придунайскими странами, где имелось русское население ⁴⁵. Тот же исследователь критически пересмотрел данные некоторых византийских историков, в частности Константина Порфирородного, относительно Киевского

государства и его взаимоотношений с Византией, выявив их крайнюю тенденциозность и указав на ряд неточностей в освещении этими авторами истории Руси⁴⁶. Результаты многолетних исследований в области изучения взаимоотношений Руси и Византии были обобщены М. В. Левченко в его фундаментальном труде «Очерки по истории русско-византийских отношений», подготавливаемом ныне к печати уже после безвременной смерти автора.

Политические и культурные связи Византии с Московской Русью были детально исследованы М. Н. Тихомировым в его работе «Византия и Московская Русь»⁴⁷. В этой работе автор показал, что, несмотря на свою отдаленность, Москва в XIV в. имела более тесные связи с Константинополем, чем другие русские города. Взаимное культурное общение было плодотворно как для Московской Руси, так и для Византии. Однако все попытки Византии подчинить Московскую Русь своему политическому влиянию через посредство греческого духовенства наталкивались на решительное сопротивление, и Московская Русь успешно отстояла независимость своей церкви от притязаний Византии. Более того, слабеющая в конце XIV—XV вв. империя ромеев сама все чаще и чаще должна была обращаться за помощью к Русскому государству.

Немало сделано советскими учеными и в области освещения культурных связей Византии и славянских народов, в частности Византии и Руси. В трактовке этого вопроса советская наука опровергла ошибочный тезис о том, что культура славян, в том числе и Руси, якобы полностью была заимствована из Византии.

Не отрицая значительного вклада Византии в политическую и культурную жизнь славянских стран, наши

ученые в то же время показали сравнительно высокий уровень общественного, политического и культурного развития славянских народов еще в раннее средневековье. Так, например, Б. А. Рыбаков в своем капитальном труде «Ремесло древней Руси» на основании анализа обильного новейшего археологического материала доказал, что к IX—X вв. Киевское государство достигло высокого уровня развития материальной и духовной культуры⁴⁸. Наши исследователи пришли к заключению, что культурный обмен между Византией и славянскими народами был отнюдь не односторонний, но что сами славянские народы оказали воздействие на общественный строй и культуру Византии. Итоги исследований советских ученых по этим вопросам обобщены в коллективном труде «История культуры древней Руси»⁴⁹.

За последние годы советские историки (М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Е. Э. Гранстрем, М. В. Щепкина и др.)⁵⁰ занимаются разработкой одной из важнейших проблем в истории культуры славянских народов — проблемы происхождения славянской письменности.

Расходясь во взглядах с некоторыми зарубежными учеными, считавшими, что письменность, как и вся культура, были заимствованы славянскими народами из Византии, эти ученые показали, что славянская письменность создавалась на основе знаков славянского письма («черты и резы»), возникших ранее деятельности Кирилла и Мефодия.

В поле зрения советских историков-медиевистов находится также изучение экономических, дипломатических и культурных связей Византии со странами Западной Европы.

Тесные экономические, политические и культурные связи Генуи и Венеции с Византийской империей получили освещение в трудах Е. Ч. Скржинской и Н. П. Соколова.

В работе «Генуэзцы в Константинополе в XIV в.» Е. Ч. Скржинская яркими красками рисует полную драматизма картину упадка в XIV в. некогда блестящей империи ромеев, показывает проникновение в византийское государство итальянских купцов (сперва венецианцев, затем генуэзцев) и вскрывает пагубные последствия этого для экономического развития империи⁵¹. В другой своей работе «Петрарка о генуэзцах на Леванте» тот же автор дает глубокий анализ эпистолярного наследия великого итальянского поэта как исторического источника, помогающего уяснить сложные перипетии ожесточенной борьбы генуэзцев и венецианцев за преобладание в Византийской империи⁵². Взаимоотношения Византии с Венецией в XI—XIII вв. рассматриваются в трудах Н. П. Соколова⁵³. Наибольший интерес имеет его работа «Венецианская доля в византийском наследстве», в которой автор на основании критического пересмотра ряда источников существенным образом уточняет сложившееся в науке представление о территориальных приобретениях Венеции в Византии после четвертого крестового похода.

История крестовых походов, по изучению которой немало было сделано русскими учеными-византинистами, в частности Ф. И. Успенским, попрежнему привлекает научный интерес многих исследователей. Четвертый крестовый поход, сыгравший столь трагическую роль в судьбах Византии, оставил значительный след и в русских источниках того времени. В этом отношении большой научный интерес представляет изучение

Н. А. Мещерским «Древнерусской повести о взятии Царьграда фрягами» и свидетельств других русских источников, проливающих новый свет на драматические события 1204 г.⁵⁴. Наряду с изучением новых данных русских источников по истории четвертого крестового похода советские византинисты по-новому рассматривают некоторые вопросы, связанные с выяснением роли папства в четвертом крестовом походе и изучением сложной международной обстановки того времени⁵⁵.

За последние годы в советской исторической науке разрабатываются также и вопросы, касающиеся рассмотрения дипломатических, политических и культурных связей Византии со странами Западной Европы в XIII—XV вв.⁵⁶.

Особым разделом нашей византиноведческой науки является изучение взаимоотношений Византии со странами Востока. Среди работ наших ученых, посвященных этой проблеме, прежде всего следует сказать о трудах Н. В. Пигулевской. Ее перу принадлежит ряд исследований, охватывающих широкий круг вопросов, касающихся отношений Византии со странами Востока в раннее средневековье. В монографии «Месопотамия на рубеже V—VI вв.» Н. В. Пигулевская дает характеристику аграрных отношений в византийской провинции Озроэне и освещает взаимоотношения Византии с Ираном на рубеже V—VI вв., привлекая для этого ценные данные, содержащиеся в сирийской хронике Иешу Стилита⁵⁷. В другой монографии того же автора «Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.» не только детально изучаются взаимоотношения этих стран, но и анализируется общественный строй обоих государств в период крушения рабовладельческого строя⁵⁸. Рассмотрению экономических связей Византии со странами

Ближнего и Дальнего Востока в IV—VI вв. посвящена третья большая работа Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию»⁵⁹.

Продолжая и развивая лучшие традиции русской дореволюционной науки, внесшей ценный вклад в изучение истории средневекового Крыма (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, В. В. Латышев, С. П. Шестаков, Ю. А. Кулаковский, А. Н. Ламбин и др.), советские историки и археологи уделяют значительное внимание разработке таких вопросов, как вопрос о взаимоотношениях Византии с Крымом и византийских колоний в Крыму с Русью. История средневекового Крыма послужила предметом многолетних исследований Е. Ч. Скржинской, избравшей темой специального изучения историю генуэзских колоний в Крыму и их взаимоотношений с Византией. В течение ряда лет археологами ведутся интенсивные раскопки средневекового Херсонеса — форпоста Византии в Крыму. Раскопки дали ценные результаты: открыты жилые кварталы города, новые базилики, собран обширный археологический материал, дающий возможность характеризовать некоторые отрасли ремесленного производства средневекового Херсонеса, уточнить топографию города, осветить его экономические, политические и культурные связи с Русью и другими государствами. Результаты новейших археологических изысканий в Херсонесе обобщены в монографии А. Л. Якобсона «Средневековый Херсонес» и в других работах наших ученых⁶⁰. Изучению взаимоотношений Армении и Грузии с Византийской империей посвящены многочисленные труды армянских и грузинских историков⁶¹. В государственном хранилище рукописей Армянской ССР Матенадаране имеется богатейшее собрание уни-

кальных рукописей и материалов по истории Византии и ее взаимоотношений с Арменией.

Усилия советских ученых были направлены также и на изучение духовной и материальной культуры Византии, ее науки и искусства. История политических и социальных идей, развитие научной мысли, философско-религиозная борьба, рассмотрение которой помогает уяснению идеологии византийского феодального общества на различных стадиях его развития,— все эти вопросы входят в круг научных интересов наших византинистов. М. В. Левченко посвятил ряд своих работ изучению борьбы политических идей в ранней Византии. Анализируя произведения Синезия Киренского и Агафия Миринейского, рассматривая политические взгляды и мировоззрение этих авторов, М. В. Левченко показал, что острые социальные столкновения и бурные политические события эпохи крушения рабовладельческого строя в Византии нашли отражение и в области борьбы политических идей ⁶². Вместе с тем в истории культуры и искусства Византии этой переходной эпохи остается еще много спорных и неразрешенных вопросов; некоторые из них были подняты в работе историка искусства А. В. Банк ⁶³. Расходясь во взглядах с некоторыми зарубежными византинистами, считавшими, что византийской культуре всегда были присущи черты упадка, закостенелости, полного и нераздельного господства церковной догмы, советские ученые на основании анализа различных памятников литературы и искусства пришли к заключению, что культура Византии в раннее средневековье по сравнению с культурой стран Западной Европы носила несколько более светский характер. Подобный характер византийской культуры объясняется не только сохранением эле-

ментов культуры античности, но прежде всего наличием в Византийской империи в раннее средневековье крупных городов — центров светской культуры. Наши византилисты отказались от сложившегося в науке представления о так называемых «темных веках» византийской культуры (VII—IX вв.) и показали, что и в это время продолжалось развитие светских наук и искусств, культуры и образованности феодального общества Византии. Эта точка зрения была обоснована в работе Е. Э. Липшиц «Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.».⁶⁴

Одной из важных, но в то же время спорных проблем истории византийской культуры является проблема византийского Возрождения. В советской исторической науке по вопросу о социальной сущности Возрождения (в том числе и византийского) имела место широкая научная дискуссия. Наши ученые рассматривали этот вопрос под углом зрения выявления того социального базиса, на котором возникли такие культурно-исторические явления, как гуманизм и Возрождение. Большинство ученых рассматривало эти явления как характерные для ранней буржуазной культуры, подчеркивая в то же время наличие сильной народной струи в культуре эпохи Возрождения. По вопросу о византийском Возрождении были высказаны два мнения: одни ученые признавали наличие византийского Возрождения как культурно-исторического явления, связанного с зарождением элементов капиталистического уклада и ростом городского бюргерства в Византии XIV—XV вв. Гуманистическое движение связывалось ими с деятельностью таких византийских ученых, как Феодор Метохит, Виссарион Никейский и Георгий Гемист Плифон⁶⁵. Другие ученые, в частности историки искус-

ства, подчеркивали ограниченный и временный характер византийского Возрождения, которое скоро было задушено реакционными церковными течениями⁶⁶. Этот спорный вопрос еще не получил окончательного разрешения.

За последние годы в советской науке появился ряд важных исследований по истории византийского искусства. Ценным вкладом в изучение истории византийского искусства является труд В. Н. Лазарева «История византийской живописи». В этом труде автор нарисовал яркую картину развития различных видов византийской живописи (монументальной, иконописи и миниатюры) на всем протяжении существования Византийской империи. В работе дается не только художественный анализ отдельных памятников византийской живописи (в том числе некоторых ранее не изданных памятников миниатюры), но и характеристика различных ее школ и направлений. Особое внимание уделено выяснению специфики византийской живописи, ее стилистических особенностей. В труде В. Н. Лазарева большой интерес представляет анализ византийского искусства в его взаимодействии с искусством других стран⁶⁷.

Историей византийского искусства и архитектуры занимаются также М. В. Алпатов, Н. И. Брунов, Л. А. Мацулевич, А. В. Банк и другие историки искусства. Н. И. Брунов изучал вопрос о взаимосвязях византийского и древнерусского искусства, показав самобытность древнерусской культуры⁶⁸. А. Л. Мацулевич в своей работе «Византийские антики» на основании анализа византийской торетики разрабатывал сложные вопросы ранневизантийского искусства. А. В. Банк занимается изучением проблемы культурных связей Византии со странами Ближнего Востока⁶⁹.

В области греческой филологии выдающееся значение имеют труды П. В. Ернштедта ⁷⁰.

Кроме исследовательских работ, за последние годы историками и филологами (С. П. Кондратьев, Е. Б. Веселаго, С. В. Полякова, И. В. Феленковская и др.) издано (главным образом в переводах) значительное количество византийских памятников: исторические труды Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, патриарха Никифора, византийско-сирийские хроники, «Книга эпарха», инструкция по полиоркетике, анонимная сатира «Тимарион» и ряд систематически подобранных отрывков по славяно-византийским отношениям ⁷¹. Подготовлены к печати переводы трудов Олимпиодора, Феофилакта Симокатты, Кантакузина, Лаоника Халкокондила, Франдзи, Дуки и других византийских авторов.

Таков круг основных вопросов, над которыми работали за последние годы советские византилисты.

Таким образом, основные усилия советских византистов были сосредоточены на изучении социально-экономической истории Византии. Немало новых работ дано нашими византистами и в области исследования народных движений в империи, что помогает выявлению решающей роли народных масс в истории Византии. Значительное внимание советские историки уделяли также изучению международных связей Византии, культуры и искусства византийского общества.

Конечно, в истории Византии осталось еще весьма много проблем мало изученных, спорных или нерешенных. Так, например, весьма сложные задачи стоят перед исследователями в области изучения развития производительных сил в Византийской империи, техники сельскохозяйственного и ремесленного производства,

общественного строя городов, особенно в поздней Византии. К числу малоизученных проблем следует отнести также вопрос о характере и роли государства как надстройки над экономическим базисом византийского общества. Большие задачи стоят перед учеными и в области исследования народной культуры Византии.

Нет сомнения, что весьма плодотворное научное общение советских историков-византинистов с зарубежными учеными будет способствовать разрешению многих еще неразработанных проблем современного византиноведения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В советской историографии имеются следующие труды по истории русского византиноведения:

Б. Д. Греков, История древних славян и Руси в работах академика В. Г. Васильевского, Вестник древней истории, М., 1939, № 1.

Н. С. Лебедев, Академик В. Г. Васильевский и его работа по истории Византии, Исторический журнал, М., 1944, № 5—6.

Б. Т. Горянов, Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении, Византийский временник, М., 1947, т. I.

З. В. Удалцова, К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского, Вопросы истории, М., 1949, № 6.

Очерки истории исторической науки в СССР, под редакцией М. Н. Тихомирова, М., 1955.

² Развитие советского византиноведения освещено в следующих трудах советских ученых:

Е. А. Косминский, Итоги и задачи советского византиноведения, Вестник Академии наук СССР, М., 1951, № 5.

М. В. Левченко, Византиноведение в СССР, ученые записки Ленинградского государственного университета, Л., 1949, № 112, серия исторических наук, вып. 14.

Н. С. Лебедев, Византиноведение в СССР за 25 лет, в сборнике «25 лет исторической науки в СССР», М.—Л., 1942.

В. И. Пичета, Академия наук и византиноведение в советское время, Вестник Академии наук, М., 1945, № 5—6; Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947 гг.), Вестник древней истории, М., 1947, № 3.

³ М. В. Левченко, История Византии, М.—Л., 1940.

⁴ История средних веков, под редакцией академика Е. А. Косминского и члена-корр. АН СССР С. Д. Сказкина, М., 1952, т. I.

⁵ История Византии освещается в III томе «Всемирной истории».

⁶ А. В. Мишулин, Древние славяне и судьбы Восточноримской империи, Вестник древней истории, М., 1939, № 1(6), Древние славяне и крушение Восточноримской империи, Исторический журнал, М., 1941, № 10—11.

⁷ Н. В. Пигулевская, К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием, Вестник Ленинградского государственного университета, Л., 1948, № 4; К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке, Вопросы истории, М., 1950, № 4; Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке, Вопросы истории, М., 1953, № 3.

⁸ М. В. Левченко, К истории аграрных отношений в Византии в VI—VII вв. по документам византийского Египта, в книге «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1935, № 1—2; Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI вв., в книге «Византийский сборник», М.—Л., 1945; Церковные имущества в Восточно-Римской империи в V—VI вв., Византийский временник, М., 1949, т. II.

⁹ Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв., М.—Л., 1951; Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. Византийский временник, М., 1947, т. I; Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточноримской империей, Вестник древней истории, М., 1948, № 1; Первоисточники кушито-химьяритских войн (К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке.), Византийский временник, М., 1949, т. II; Законы химьяритов, Византийский временник, М., 1950, т. III; К вопросу об

организации и формах торговли и кредита в ранней Византии, Византийский временник, М., 1951, т. IV.

¹⁰ М. В. Левченко, История Византии, М.—Л., 1940. Этот вопрос освещается в первой части подготовляемой к печати монографии М. Я. Сюзюмова «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма».

¹¹ А. Д. Дмитриев, Движение скамаров, Византийский временник, М., 1952, т. V; Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, Вестник древней истории, М., 1950, № 1; Итоги многолетних исследований А. Д. Дмитриева в области изучения народных движений в Римской империи обобщены в его подготовляемом к печати труде «Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров».

¹² Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII вв., М.—Л., 1946; З. В. Удальцова, Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, Византийский временник, М., 1952, т. V и др.

¹³ А. П. Дьяконов, Византийские димы и факции в V—VII вв., в книге «Византийский сборник», М.—Л., 1945.

М. В. Левченко, Венеты и прасины в Византии в V—VII вв., Византийский временник, М., 1947, т. I; Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946.

М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-римской империи IV века, Ученые записки Уральского государственного университета, Свердловск, 1952, вып. 11. Автор этого исследования несколько расходится в оценке движения димов с другими учеными.

¹⁴ З. В. Удальцова, Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, Византийский временник, М., 1952, т. V; Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане, Византийский временник, М., 1953, т. VI.

¹⁵ З. В. Удальцова, Предисловие к переводу «Войны с готами» Прокопия Кесарийского, М., 1950; Сельское зависимое население Италии VI в., Вестник древней истории, М., 1955, № 3.

¹⁶ Н. В. Пигулевская, К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке, Вопросы истории, М., 1950, № 4; М. В. Левченко, История Византии, М.—Л., 1940; З. В. Удальцова, Народные движения и «вар-

варские» завоевания в Восточно-Римской империи в IV—VII вв., IV глава из учебника для вузов по истории средних веков. М., 1952.

М. Я. С ю з ю м о в, К вопросу о процессах феодализации в Римской империи, Вестник древней истории, М., 1955, № 1.

¹⁷ А. Д. Д м и т р е в, Движение скамаров, Византийский временник, М., 1952, т. V; А. В. М и ш у л и н, Древние славяне и судьбы Восточноримской империи, Вестник древней истории, М., 1939, № 1 (6) и др.

¹⁸ Б. Д. Г р е к о в, Киевская Русь, М., 1953; Борьба Руси за создание своего государства, М.— Л., 1945; П. Н. Т р е т ь я к о в, Восточнославянские племена, М., 1953; Балканская археолого-этнографическая экспедиция, Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, М., 1946, т. III, № 3.

А. В. М и ш у л и н,— кроме указанных выше работ, см.: Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э., Вестник древней истории, М., 1941, № 1; М. В. Л е в ч е н к о, Византия и славяне в VI—VII вв., Вестник древней истории, М., 1938, № 4 (5); А. П. Д ь я к о н о в, Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв., Вестник древней истории, М., 1946, № 1; С. А. Ж е б е л е в, Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI—VII вв., Исторический архив, М.— Л., 1939, т. 2; Б. Т. Г о р я н о в, Славянские поселения VI в. и их общественный строй, Вестник древней истории, М., 1939, № 1; Н. В. П и г у л е в с к а я, Авары и славяне в сирийской историографии, Советское востоковедение, М.— Л., 1941, т. 2.

¹⁹ П. Н. Т р е т ь я к о в, Восточнославянские племена, М., 1953; Б. А. Р ы б а к о в, Анты и Киевская Русь, Вестник древней истории, М., 1939, № 1; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й, Об «антах» Псевдомаврикия, Советская этнография, М., 1953, № 2; В. В. М а в р о д и н, К вопросу об «антах» Псевдомаврикия, Советская этнография, М., 1954, № 2.

²⁰ Дискуссия развернулась на страницах журналов «Вестник древней истории» и «Византийский временник». Ряд статей, касающихся вопроса о крушении рабовладельческого строя в Восточной Римской империи, будет опубликован в ближайших номерах этих журналов.

²¹ Е. Э. Липшиц, Византийское крестьянство и славянская колонизация, в книге «Византийский сборник», М.—Л., 1945; Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. (некоторые наблюдения по аграрной истории Византии), в сборнике статей «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952; Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма, Византийский временник, М., 1947, т. I; М. Я. Сюзюмов, Спорные вопросы о характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону» (готовится к печати).

²² М. В. Левченко, История Византии, М., 1940; М. Я. Сюзюмов, Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма (готовится к печати); М. Я. Сюзюмов, Проблемы иконоборчества в Византии, Ученые записки Свердловского государственного педагогического института, 1948, т. IV; М. Я. Сюзюмов, О социальной сущности законодательства «Василик», Византийский временник, 1953, т. VI.

²³ М. Я. Сюзюмов, Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. Византийский временник, М., 1951, т. IV.

²⁴ Е. Э. Липшиц, К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв., Византийский временник, М., 1953, т. VI; А. П. Каждан, Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв., Византийский временник, М., 1953, т. VI; Рабы и мистии в Византии IX—XI вв., Ученые записки Тульского государственного педагогического института, Тула, 1951, вып. 2; Византийские города в VII—XI вв., Советская археология, 1954, т. 21.

«Книга епарха. Устав византийских цехов X в.», перевод с греческого и комментарий М. Я. Сюзюмова, Свердловск, 1949 (Ученые записки Свердловского государственного педагогического института, т. 6).

²⁵ М. Я. Сюзюмов, Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в., Византийский временник, М., 1951, т. IV.

²⁶ В настоящее время эта работа готовится к печати.

²⁷ Эти вопросы освещаются в подготавливаемой А. П. Кажданом работе «Очерки по истории византийского феодализма конца IX—X вв.», в кандидатской диссертации К. А. Осиповой «Положение крестьянства в Византии в X веке» и в других работах.

²⁸ Е. Э. Л и п ш и ц, Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX вв., Византийский временник. М., 1952, т. V.

М. Я. С ю з ю м о в, Проблемы иконоборчества в Византии, Ученые записки Свердловского государственного педагогического института, Свердловск, 1948, № 4.

С. Т. М е л и к - Б а х ш я н, Павликианское движение в Армении, Ереван, 1953 (Ереванский государственный университет). На армянском языке.

²⁹ Е. Э. Л и п ш и ц, Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв., Вестник древней истории, М., 1939, № 1.

³⁰ А. П. К а ж д а н, «Великое восстание» Василия Медной руки, Византийский временник, 1951, т. IV; Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии, Византийский временник, М., 1952, т. V.

³¹ Б. Т. Г о р я н о в, Византийское крестьянство при Палеологах, Византийский временник, М., 1950, т. III.

³² А. Ф. В и ш н я к о в а, Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы, Византийский временник, Л., 1928, т. XXV; И. И. С о к о л о в, Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов, Византийский временник, Л., 1923—1926, т. XXIV; Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии, Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук, Л., 1931; Е. Ч е р н о у с о в, Вновь об экономической истории Византии, Труды ассоциации Института научных разысканий на Северном Кавказе, 1928, т. XLVIII.

³³ А. П. К а ж д а н, Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв., М., 1952.

³⁴ З. В. У д а л ь ц о в а, О внутренних причинах падения Византии в XV в., Вопросы истории, М., 1953, № 7; Предательская политика феодальной знати в Византии в период турецкого завоевания, Византийский временник, М., 1953, т. VII; Борьба партий в Целопоппесе во время турецкого завоевания, сборник «Средние века», М., 1951, т. III.

³⁵ З. В. У д а л ь ц о в а, Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского, Вестник Московского государственного университета, М., 1947, № 1.

³⁶ А. К. Бергер, Демократическая революция в Византии в XIV в., Архив Маркса и Энгельса, 1930, т. V.

Б. Т. Горянов, Восстание зилотов в Византии (1342—1349 гг.), Известия Академии наук СССР, М., 1946, т. III, серия истории и философии, № 1; Первая гомилия Григория Паламы как источник к истории восстания зилотов, Византийский временник, М., 1947, т. I; А. П. Каждан, Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв., М., 1952, гл. VIII.

З. В. Удалцова, О внутренних причинах падения Византии в XV в., Вопросы истории, М., 1953, № 7.

³⁷ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, М., 1950, ч. I, II; Киевская Русь, М., 1953; Борьба Руси за создание своего государства, М., 1945; П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953; Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948; В. И. Пичета, Византия и славяне, Исторический журнал, М., 1944, № 10—11; А. В. Мишулин, Указанные сочинения; М. В. Левченко, Византия и славяне в VI—VII веках, Вестник древней истории, 1938, № 4(5); Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в Xв. («Записка греческого топарха»), Византийский временник, М., 1951, т. IV; Русско-византийские договоры 907 и 911 гг., Византийский временник, М., 1952, т. V; Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в., Византийский временник, М., 1953, т. VI; Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире, Византийский временник, М., 1953, т. VII; Очерки по истории СССР, Период феодализма, под редакцией Б. Д. Грекова, Л. В. Черепина, В. Т. Пашуто, М., 1953, т. I.

³⁸ П. Н. Третьяков, указанное сочинение; С. А. Никитин, Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства, Вестник Московского государственного университета, М., 1952, Серия общественных наук, № 1; Ю. В. Готье, Образование Сербского государства, в книге «Славянский сборник», М., 1947.

³⁹ История Болгарии, под редакцией П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева, М., 1954, т. I.

⁴⁰ Б. Д. Греков, Указанные сочинения; М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, Ученые записки Московского

государственного университета, М., 1946, вып. 99; Б. А. Рыбаков. Указанные сочинения; В. В. Мавродин, указанное сочинение; М. В. Левченко, указанные сочинения; Н. В. Пигулевская, Имя «Рус» в сирийском источнике VI века н. э., в сборнике «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952; Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.

⁴¹ Е. Э. Липшиц, О походе Руси на Византию ранее 842 г., Исторические записки, М., 1948, т. XXVI.

⁴² Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1953; М. В. Левченко, Очерки по истории русско-византийских отношений (готовится к печати); Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. Византийский временник, М., 1952, т. V.

⁴³ М. Н. Тихомиров, Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в., в книге «Славянский сборник», М., 1947; М. В. Левченко, Указанные выше «Очерки по истории русско-византийских отношений»; П. О. Карышковский, Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, Вопросы истории, М., 1951, № 8; Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе, Византийский временник, М., 1953, т. VI; К истории Балканских войн Святослава, Византийский временник, М., 1953, т. VII.

⁴⁴ П. О. Карышковский, О хронологии русско-византийской войны при Святославе, Византийский временник, М., 1952, т. V, и др.

⁴⁵ М. В. Левченко, Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире, Византийский временник М., 1953, т. VII; Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X в. («Записка греческого топарха»), Византийский временник, М., 1951, т. IV.

⁴⁶ М. В. Левченко, Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X века. Византийский временник, М., 1953, т. VI.

⁴⁷ М. Н. Тихомиров, Византия и Московская Русь, Исторический Журнал, М., 1945, № 1—2.

⁴⁸ Б. Д. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М.—Л., 1948.

⁴⁹ История культуры древней Руси, под редакцией Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова, М.—Л., 1948, т. I.

⁵⁰ М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, Вестник Академии наук СССР, М., № 4; Городская письменность в древней Руси, Труды отдела древнерусской литературы, М.—Л., 1953, т. IX; М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина, Два памятника Новгородской письменности, М., 1952.

Е. Э. Гранстрем, О связи Кирилловского устава с византийским унциалом, Византийский временник, М., 1950, т. III; Д. С. Лихачев, Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, Вопросы истории, М., 1951, № 12.

⁵¹ Е. Ч. Скржинская, Генуэзцы в Константинополе в XIV в., Византийский временник, М., 1947, т. I.

⁵² Е. Ч. Скржинская, Петрарка о генуэзцах на Леванте, Византийский временник, М., 1949, т. II.

⁵³ Н. П. Соколов, К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185 гг.), Византийский временник, М., 1952, т. V; Венецианская доля в византийском «наследстве», Византийский временник, М., 1953, т. VI; Восточная политика венецианской плутократии в XII в., Ученые записки Горьковского государственного университета, Горький, 1950, серия историко-филологических наук вып. 18. Многолетние исследования автора по этим вопросам обобщены в его еще не опубликованном труде «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы (XI—XIII вв.)».

⁵⁴ Эта работа будет опубликована в очередном томе «Византийского временника».

⁵⁵ М. А. Заборов, Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в., Византийский временник, М., 1952, т. V; К вопросу о предистории четвертого крестового похода, Византийский временник, М., 1953, т. VI и др.

⁵⁶ Е. А. Косминский, Византия и Запад, Вестник Академии наук СССР, М., 1944, № 7-8.

З. В. Удалцова, Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского, Византийский временник, М., 1949, т. II; Борьба византийских партий на Флорен-

тийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии, Византийский временник, М., 1950, т. III и др.

⁵⁷ Н. В. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V — VI вв. н. э., М.— Л., 1940.

⁵⁸ Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII вв., М.— Л., 1946.

⁵⁹ Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М.— Л., 1951.

⁶⁰ А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.), М.— Л., 1950, в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», № 17; Херсонес и Киевская Русь, Вестник Ленинградского государственного университета, Л., 1948, № 4; Византия в истории раннесредневековой Таврии, Советская археология, М., 1954, т. XXI; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, М., 1946, № 13 и др.

⁶¹ Обзор работ армянских и грузинских историков по истории Византии и ее взаимоотношений с Арменией и Грузией дан в работе Е. А. Косминского, Итоги и задачи советского византиноведения, Вестник Академии наук СССР, М., 1951, № 5. Кроме указанных в этом труде работ, следует упомянуть следующие труды армянских и грузинских историков: К. Л. Кахидзе, Грузия в политической и общественной жизни Византии, Тбилиси, 1945 (на грузинском языке); Фавстос Бузанд, История Армении, перевод и комментарии М. А. Геворгияна, вступительная статья Л. С. Хачикяна, Ереван, 1953; Г. Г. Микаэлян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952; Я. А. Манандян, Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому, Византийский временник, М., 1947; т. I; Маршруты персидских походов императора Ираклия, Византийский временник, М., 1950, т. III; Новеллы Юстиниана о порядке наследования у армян, Известия Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1952, № 5 и др.

⁶² М. В. Левченко, Синезий Киренский. О царстве (перевод и предисловие), Византийский временник, М., 1953, т. VI; Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение, Византийский временник, М., 1950, т. III.

⁶³ А. В. Банк, Некоторые спорные вопросы в истории

византийского искусства, Византийский временник, М., 1953, т. VII.

⁶⁴ Работа эта подготовлена к печати. Вопросам истории культуры Византии посвящены следующие статьи того же автора: Византийский ученый Лев Математик (из истории византийской культуры в IX в.), Византийский временник, М., 1949, т. II; К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX в. (Касия), Византийский временник, М., 1951, т. IV и др.

⁶⁵ Эту точку зрения поддерживали Б. Т. Горянов, З. В. Удальцова и др.

⁶⁶ Эту точку зрения поддерживал В. Н. Лазарев.

⁶⁷ В. Н. Л а з а р е в, История византийской живописи, М., 1948, т. I, II.

⁶⁸ Н. И. Б р у н о в, Киевская София—древнейший памятник русской каменной архитектуры, Византийский временник, М., 1950, т. III; Архитектура Константинополя IX—XII вв., Византийский временник, М., 1949, т. II.

⁶⁹ А. В. Б а н к, Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства, Византийский временник, М., 1953, т. VII; Очерки культурных взаимоотношений Византии и Ближнего Востока по данным вещественных памятников (X—XIV вв.) Труды Отдела Востока Эрмитажа, Л., 1940, т. III.

⁷⁰ П. В. Е р н ш т е д т, Два греческих папируса византийского периода из советских собраний, Вестник древней истории, М., 1952, № 2.

⁷¹ Прокопий Кесарийский, Тайная история, перевод с греческого С. П. Кондратьева, Вестник древней истории, М., 1938, № 4 (5); Прокопий Кесарийский, О постройках, перевод С. П. Кондратьева, Вестник древней истории, М., 1939, № 4 (9); Прокопий из Кесарии, Война с готами, перевод С. П. Кондратьева, вступительная статья З. В. Удальцовой, М., 1950; Агафий Миринеи с к и й, О царствовании Юстиниана, перевод и послесловие М. В. Левченко, М.—Л., 1953; Никифор и его исторический труд, перевод и комментарий Е. Э. Липшиц, Византийский временник М., 1950, т. III; Книга епарха Устав византийских цехов X в., Свердловск, 1949, перевод и комментарий М. Я. Сюзюмова, Ученые записки Свердловского государственного пединститута, выпуск VI; Аноним византийский, инструкции по полиоркетике, Вестник древней истории, М., 1940, № 3—4; Визан-

тийская сатира «Тимарион», перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, предисловие Е. Э. Липшиц, Византийский временник, М., 1953. т. VI; Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э., перевод с греческого С. П. Кондратьева, Вестник древней истории, М., 1941, № 1.

LES PROBLEMES FONDAMENTAUX
DE LA BYZANTINOLOGIE ET LA SCIENCE
HISTORIQUE SOVIETIQUE

L'histoire de Byzance attirait depuis fort longtemps l'attention de nos historiens et de nos sociologues. A l'époque de l'Etat de Kiev les relations existant entre Byzance et notre pays et surtout la lutte menée contre les tentatives de Byzance d'asservir politiquement et idéologiquement les peuples de notre pays, ont conditionné l'intérêt manifesté par les auteurs russes anciens non seulement pour les divers aspects de la vie de la Byzance d'alors, mais aussi bien pour son passé et l'appréciation de son rôle historique. Déjà aux Xe-XIe siècles apparaissent en Russie les premières traductions de chroniques byzantines et entre autres celles de Jean Malalas, Georges le Syncelle, Georges l'Acropolite. Luttant de façon active contre les exigences théocratiques de Byzance, la littérature sociologique et historique de la Russie ancienne (*Povest vrémennykh let, Slovo o zakonié i blagodati* du métropolite Hilarion, etc.) puisait largement dans la documentation de ces chroniques, interprétant à sa manière le processus historique et la place qu'y tenait Byzance. L'intérêt pour l'histoire de l'Etat byzantin et pour les antiquités de sa capitale Constantinople s'expriment par des «pèlerinages» de voyageurs russes à Tsargrad. Le pèlerinage de l'archevêque Antoi-

ne de Novgorod vers l'an 1200, peu de temps avant la prise de la capitale de l'empire byzantin par les Croisés: celui de Stéphane de Novgorod au XIVe siècle; ainsi qu'une description de Constantinople datant du XIVe siècle, etc. présentent un intérêt tout particulier. L'histoire de Byzance et de la chute de l'Empire est étudiée d'une manière plus approfondie et à l'aide d'une plus vaste documentation (en particulier des chroniques de Constantin Manassès, Jean Zonaras, du Bréviaire du patriarche Nicéphore, etc.) dans les écrits de la période de la formation et de la stabilisation d'un Etat national russe centralisé, en particulier dans les annales des XVe-XVIe siècles, — chronographes, les discours et les écrits de Péresvétov, Kourbski, Ivan le Terrible et autres, de même que dans les meilleurs travaux historiques du XVIIe siècle. Le nombre de sources byzantines utilisées par les historiens russes agrandit encore au XVIIIe siècle et à partir de la première moitié du XIXe siècle commencent à paraître en Russie des histoires générales à Byzance destinées à de larges couches de lecteurs (par exemple l'ouvrage de I. D. Iertov) de même que des études spéciales sur certaines périodes de son histoire ou divers problèmes byzantins (les ouvrages de I. M. Snégirev, P. É. Médovikov, A. P. Zernine et autres). Dans les années 50-60 du XIXe siècle le nombre de publications d'études byzantines ne fait qu'augmenter (les travaux de G. G. Gagarine, V. I. Grigorovitch, M. M. Stassulévitch, E. Muralt, P. Ouspenski, de V. S. Ikonnikov, etc.), leurs thèmes s'élargissent et c'est depuis ce temps-là que la byzantinologie devient une branche spéciale des sciences historiques.

Les études byzantines en Russie avant la Révolution ont connu leur apogée au cours du dernier tiers du XIXe

siècle. A cette époque la byzantinologie russe occupait une place d'avant-garde. Son trait caractéristique conditionnant l'évolution historique de la Russie au cours de la deuxième moitié du XIXe siècle est l'intérêt tout particulier qu'on attache aux problèmes de l'histoire intérieure de Byzance — surtout au côté social et juridique des relations agraires byzantines et au rôle de la commune slave dans l'évolution sociale de l'Empire byzantin. Et bien que la direction des études consacrées à ces questions eût été fortement influencée par les méthodes idéalistes des savants de ce temps et par les exigences politiques du tsarisme, un grand nombre de sources découvertes pour la première fois grâce à ces recherches sont entrées définitivement dans la byzantinologie. Les plus éminents byzantinistes de ce temps sont: V. G. Vassilievski (sur son initiative et sous sa rédaction paraissait dès 1894 la revue *Vizantiysky Vremennik* («Annales Byzantines»), F. I. Ouspenski, l'un des organisateurs et directeur de l'Institut russe d'archéologie à Constantinople et — dans le domaine des arts byzantins — N. P. Kondakov. D'autre part les travaux de T. D. Florinski, N. A. Skabalanovitch, V. R. Rosen, F. A. Ternovski, D. I. Azarévitch (*Histoire du droit byzantin*), A. I. Kirpitchnikov (*Littérature byzantine*), S. G. Destounis, D. F. Béliaev et autres ont une grande importance. C'est à la fin du XIXe et au début du XXe siècle que se rapportent les travaux d'éminents byzantinistes tels que C. N. Ouspenski, S. P. Chestakov, G. A. Koulakovski, V. E. Régel, V. N. Bénéchévitch, P. V. Bésobrazov, B. A. Pantchenko et autres¹.

Après la Grande Révolution Socialiste d'Octobre commence une nouvelle étape dans les études byzantines. Le trait caractéristique de la byzantinologie soviétique

qui la diffère totalement de celle d'avant la Révolution est sa base théorique et idéologique — le marxisme-léninisme.

Dans leurs travaux, les byzantinistes soviétiques et étrangers puisent largement dans les études byzantines russes des XIXe-XXe siècles tout en rejetant catégoriquement ses méthodes idéalistes et son idéologie politique².

Dans notre pays on a beaucoup fait pour organiser les travaux des historiens dans le domaine de la byzantologie. C'est le groupe de savants dirigés par l'académicien E. A. Kosminski travaillant près de l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de l'U. R.S.S. à Moscou qui coordonne le travail de tous les byzantinistes de notre pays. A peu près tous les ans ont lieu des sessions de la Section des Sciences historiques de l'Académie des Sciences consacrées aux problèmes de la byzantologie. Une nouvelle série de *Vizantiysky Vrémennik* qui est devenu le centre des études de tous les savants byzantinistes soviétiques paraît sous la rédaction de l'académicien E. A. Kosminski. Sept volumes du *Vizantiysky Vrémennik* ont paru dans les dernières années et trois volumes sont prêts pour la publication. En outre on a publié également des travaux de byzantologie dans d'autres revues historiques et dans des bulletins scientifiques des établissements d'enseignement supérieur. De nombreuses monographies consacrées à l'histoire de Byzance ont été publiées par nos savants. En 1940 a paru la première œuvre de généralisation marxiste, *Histoire de Byzance* par M. V. Levchenko³, traduite maintenant en plusieurs langues européennes. Dans le nouveau manuel d'histoire du moyen âge destiné aux établissements d'enseignement supérieur, paru sous la

rédaction de l'académicien E.A. Kosminski, et du membre-correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. S. D. Skazkine⁴ ainsi que dans l'ouvrage collectif des historiens soviétiques, *l'Histoire Universelle*⁵ (que l'on prépare pour la publication), une large place est assignée à l'histoire de Byzance. La formation de jeunes savants byzantinistes se fait à l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences et aux chaires d'histoire du moyen âge des Universités de Moscou, de Léninegrad et autres villes de notre pays. Les études byzantines se sont très développées en Arménie, Géorgie et dans les autres républiques fédérées.

* * *

Les savants soviétiques se prononcent contre la théorie erronée de l'Europocentrisme qui ne reconnaît pas aux peuples de l'Europe Orientale et de l'Orient Asiatique les droits d'existence historique indépendante. Nos savants cherchent à établir la vraie place qui appartient à ces peuples dans le processus historique mondial. C'est pourquoi ils attachent une grande importance à l'étude de l'histoire de Byzance qui a joué un rôle non négligeable dans les destinées de l'Europe Orientale et du Proche-Orient. En même temps les byzantinistes soviétiques se prononcent contre toute tentative d'opposer le développement historique de Byzance et celui d'autres pays. Ils étudient l'histoire de Byzance pour établir les lois générales du développement historique d'une façon historique concrète en tenant compte de l'effet de ces lois sur l'histoire de Byzance.

Afin de déterminer le rôle de Byzance dans l'histoire de l'humanité, nos savants ont eu recours en premier

lieu à l'étude de l'histoire comparée des particularités sociales et économiques du développement de cet Etat, ce qui aide à la compréhension des lois générales qui régissaient le processus historique de Byzance. En se basant sur la théorie marxiste-Léniniste de la succession progressive dans l'histoire de l'humanité de types dominants dans les rapports de production (formations sociales et économiques), notre science considère l'histoire de Byzance comme l'histoire d'une société féodale.

Au centre de l'intérêt de nos savants se trouve l'étude de divers traits particuliers au féodalisme byzantin, l'étude des ressemblances et des différences du développement des régimes féodaux à Byzance par rapport aux autres pays de l'Europe Occidentale et Orientale et du Proche-Orient. Cette manière d'étudier l'histoire de Byzance en comparaison à l'histoire des autres pays non seulement aide à la compréhension des particularités du développement de Byzance elle-même, mais offre de grands avantages pour l'étude de l'histoire de tous les pays ayant eu de façon ou d'autre des rapports avec cet Empire. Et en particulier cette manière est nécessaire pour pouvoir se rendre compte du vrai rôle historique des peuples de l'Europe sud-orientale et du Proche-Orient.

En relation avec l'évolution des rapports féodaux à l'intérieur de la société byzantine (à partir de la naissance des premiers germes du féodalisme du sein d'une société à régime d'esclavage et jusqu'à la désagrégation de la méthode féodale de production), une attention particulière et approfondie doit être attribuée à l'étude de la transition du régime de l'esclavage au régime féodal à Byzance.

L'étude du problème de la transition du régime de l'esclavage au régime féodal est au centre de l'intérêt

de nos nombreux historiens de l'antiquité et du moyen âge (A. V. Michouline, S. I. Kovalev, N. V. Pigoulevskaïa, M. V. Levtchenko, M. I. Suzumov, A. D. Dmitrev, Z. V. Oudaltsova et autres).

Or, jusqu'à ces derniers temps, aussi bien en Occident que chez nous ce problème avait été principalement étudié dans les sources se rapportant à l'histoire de l'Empire romain d'Occident. Il était donc d'autant plus nécessaire de retravailler cette question du point de vue de l'histoire comparée, c'est-à-dire à l'aide de sources se rapportant à l'Empire romain d'Orient (Byzance). C'est A. V. Michouline qui, un des premiers parmi les historiens de notre pays, s'est penché sur l'étude de ce problème. Il essaya de dégager les lois générales déterminant la transition de l'esclavage au féodalisme aussi bien dans l'une que dans l'autre de deux parties de l'Empire romain⁶. L'écroulement de l'esclavage et les débuts de la formation du féodalisme à Byzance et dans les autres pays du Proche-Orient font l'objet de plusieurs années d'études de N. V. Pigoulevskaïa. Dans ses travaux N. V. Pigoulevskaïa étudie la transition du régime de l'esclavage au régime féodal en Iran, en Arabie du Sud, à Byzance et dans ses provinces: Syrie, Égypte et Afrique du Nord⁷. Des observations très intéressantes caractérisant la crise du régime de l'esclavage dans l'agriculture byzantine ont été faites par M. V. Levtchenko, auteur de plusieurs études consacrées à l'histoire sociale et économique de l'Empire aux Ve-VIIe siècles. C'est ainsi que dans son ouvrage *De l'histoire des rapports agraires à Byzance aux VIe-VIIe siècles* il tire des papyrus égyptiens une documentation très intéressante pour caractériser la structure agraire de Byzance à l'époque étudiée, et en particulier pour déterminer la structure intérieure des

grandes propriétés byzantines et la situation de la population rurale dépendante de l'Empire. Dans une autre étude *Documents sur l'histoire intérieure de l'Empire romain d'Orient* aux Ve-VIIe siècles, le même auteur arrive à base d'analyses de sources épigraphiques et papyrologiques à la conclusion qu'à côté de la grande propriété, s'était conservée à Byzance aux Ve-VIe siècles, la petite propriété terrienne libre de même que la commune rurale. L'étude de M. V. Levtschenko *Les biens de l'Eglise dans l'Empire romain d'Orient aux Ve-VIe siècles*, où il caractérise la grande propriété terrienne de l'Eglise à Byzance de ce temps-là se rattache directement à l'ouvrage mentionné ci-dessus⁸. La structure sociale des villes byzantines des IVe-VIe siècles et en particulier les phénomènes de la crise du régime de l'esclavage dans les villes, l'organisation de l'artisanat et du commerce, les relations économiques de Byzance avec les pays d'Orient et en particulier avec l'Inde et la Chine par l'Iran, l'Asie Centrale, l'Arabie et l'Ethiopie font l'objet des études du byzantiniste et orientaliste N. V. Pigoulevskaïa⁹, ainsi que d'autres historiens (M. V. Levtschenko, M. F. Suzumov, et autres)¹⁰.

Dans leurs études ces savants sont arrivés à la conclusion que dans l'Empire romain d'Orient, de même que dans l'Empire d'Occident, le régime de l'esclavage s'était déjà avéré aux IVe-VIe siècles comme un frein à l'évolution du développement social, et que ce régime a été désagrégé par les soulèvements des esclaves et des colons qui avec les slaves et autres peuples luttaient pour l'abolition du régime de l'esclavage.

Etudiant le problème de la désagrégation de la société de l'Empire romain d'Orient basée sur le régime de l'esclavage les savants soviétiques (M. V. Levtschenko,

N. V. Pigoulevskaïa, A. P. Diakonov, A. D. Dmitrev, Z. V. Oudaltsova, M. I. Suzumov et autres) se sont en même temps penchés sur le problème du caractère et des formes de la lutte des classes des masses populaires dans la période de la transition du régime de l'esclavage au régime féodal. Dans leurs travaux ils ont montré que les particularités du développement social et économique de l'Empire romain d'Orient aux VIe-VIIe siècles ont laissé leur empreinte sur la lutte des classes à cette époque. C'est ainsi que la particularité de la structure agraire de l'Empire romain d'Orient, par rapport à celui de l'Occident, — un grand développement du colonat, rapprochement de la situation du colon à celle de l'esclave, l'existence d'une population rurale libre — a amené l'action commune des esclaves, des colons et des cultivateurs ruinés, lors des soulèvements populaires aux IVe-VIe siècles. Ce sont ces mêmes raisons qui expliquent le rôle plus important des colons (de même que des esclaves) dans la lutte pour la libération des masses populaires dans l'Empire romain d'Orient que dans l'Empire d'Occident.

Se basant sur l'étude d'une vaste documentation historique concrète, A. D. Dmitrev a donné pour la première fois la description de larges mouvements d'esclaves et de colons, tels que le mouvement des scamares dans les provinces du Danube aux Ve-VIe siècles, le soulèvement des esclaves, des colons et des mercenaires «barbares» en Asie Mineure à la limite des IVe et Ve siècles sous la conduite de Tribigild, ainsi que le mouvement dénommé des latrones en Syrie, Palestine et en Egypte¹¹. D'autres savants étudièrent les émeutes dans l'armée byzantine à la fin du VIe siècle, les mouvements hérétiques populaires au début de l'histoire de Byzance, ainsi

qu'un certain nombre d'autres mouvements populaires de ce temps¹².

L'existence à Byzance de grandes villes avec une population artisanale et commerçante nombreuse, détermina le rôle important des masses populaires dans les villes au cours des révoltes qui eurent lieu dans l'Empire aux IVe-VIIe siècles. C'est sous ce rapport que les historiens (A. P. Diakonov, M. V. Levtschenko, N. V. Pigoulevskaïa, M. I. Suzumov et autres)¹³ ont considéré le problème du mouvement des dèmes et de la lutte des factions du cirque au début de l'histoire de Byzance. Ils ont montré que le mouvement des dèmes fut l'une des formes de la lutte de classe des masses populaires dans les villes byzantines. La manifestation la plus nette en a été le soulèvement populaire de «Nika» qui éclata à Constantinople sous l'empereur Justinien. En même temps les savants soviétiques estiment que le règne même de Justinien fut une des dernières tentatives du gouvernement de l'Empire de conserver non seulement le régime de l'esclavage dans l'Orient, mais aussi de le restaurer dans l'Occident.

Les conquêtes byzantines du VIe siècle étaient liées aux tentatives faites en vue de rétablir dans l'Occident la grande propriété et faire retourner les esclaves et les colons libérés à leurs anciens propriétaires; de même que le rétablissement de l'ancien système fiscal romain et le raffermissement de l'influence de l'aristocratie et du haut clergé — propriétaires d'esclaves. C'est une attention particulière que les savants ont attachée à la question des rapports entre les conquérants byzantins et les populations des pays conquis. Cela a permis d'établir que les conquêtes byzantines amenaient avec elles un nouveau asservissement des masses, aggravaient la situation

des esclaves, des colons et des cultivateurs libres. Les historiens soviétiques ont montré que toutes les tentatives faites par le gouvernement byzantin de Justinien, qui s'appuyait sur les propriétaires d'esclaves et sur le clergé, de restaurer le régime de l'esclavage dans l'Occident (en Afrique du Nord, en Italie et en Espagne), s'étaient heurtées à une résistance farouche, véritablement héroïque des masses de ces pays. C'est ainsi que la politique du rétablissement des anciennes lois menée par Justinien a provoqué dans les années 30-40 du VIe siècle un grand soulèvement populaire en Afrique du Nord sous la direction de Stotzas, auquel participèrent les soldats de l'armée byzantine, les esclaves, de même que les tribus indigènes opprimées¹⁴.

C'est une résistance encore plus ferme que les conquêtes byzantines rencontrèrent en Italie où au milieu du VIe siècle se déclencha une guerre libératrice des masses sous la conduite de Totila, à laquelle prirent une part active les esclaves, colons, populations rurales opprimées romaines et ostrogothes¹⁵.

L'étude approfondie des mouvements populaires des Ve-VIe siècles a permis d'établir le caractère révolutionnaire du passage du régime de l'esclavage au féodalisme non seulement dans l'Occident, mais aussi dans l'Empire romain d'Orient. En même temps les byzantinistes (N. V. Pigoulevskaïa, M. V. Levtchenko, Z. V. Oudaltsova, M. I. Suzumov et autres)¹⁶ ont montré les particularités de ce processus à Byzance par rapport à l'Occident. Déjà au Ve siècle l'Empire romain d'Occident tombait sous les coups des soulèvements révolutionnaires des esclaves et des colons, et des invasions dites «barbares». Le processus de la transition du régime de l'esclavage au féodalisme a été plus long dans

l'Empire romain d'Orient et ne s'est terminé que vers le début du VIIe siècle. Le caractère plus prolongé de la crise des formes de production de l'esclavage dans l'Empire de l'Orient par rapport à l'Empire d'Occident, et une plus grande stabilité du premier étaient dus aux particularités de son évolution sociale, économique et politique. Tout cela a été exprimé dans un développement relativement plus grand du colonat et dans la conservation à une plus grande échelle de cultivateurs libres et de communautés rurales de même que dans un plus haut niveau de développement de l'artisanat et du commerce et dans l'essor des villes. Cela donnait à la classe au pouvoir dans l'Empire romain d'Orient de plus grandes ressources économiques pour lutter contre les mouvements populaires et les attaques des tribus et des peuples voisins.

En même temps nos savants ont réussi à déterminer les relations entre les soulèvements des esclaves et des colons à Byzance aux Ve-VIe siècles avec les attaques contre l'Empire des peuples voisins, en particulier des Slaves¹⁷. Par là même ils ont pu démontrer que le processus de la désagrégation du régime de l'esclavage dans l'Empire d'Orient était en ce sens le même qu'en Occident.

C'est de façon nouvelle que fut traité dans les travaux des historiens et archéologues (l'académicien B. D. Grékov, P. N. Trétiakov, A. V. Michouline, M. V. Levchenko, A. P. Diakonov)¹⁸ la question du rôle des slaves dans les destinées de l'Empire romain d'Orient. En même temps ils ont établi que la portée progressive de la pénétration des Slaves sur une grande partie du territoire de l'Empire romain d'Orient ne se limitait pas à ce que les Slaves contribuaient à la désagrégation de l'ancien ré-

gime de l'esclavage à la fin du VIe et au début du VIIe siècle. L'influence de la structure sociale slave sur l'évolution sociale et économique de l'Empire contribuait à la formation de rapports féodaux plus progressifs. L'étude par les slavistes de la structure sociale slave des temps anciens contribua grandement à établir le rôle progressif des slaves dans l'histoire de Byzance. Se fondant sur les nouvelles recherches archéologiques et l'analyse des monuments écrits, les historiens et les archéologues ont fait le jour sur la structure sociale des slaves anciens, ont montré la façon dont s'était effectuée chez les slaves la désagrégation du régime primitif de la communauté et la formation de rapports féodaux. (P. N. Trétiakov, B. A. Rybakov, M. I. Braïtchevski, V. V. Mavrodine et autres)¹⁹. Un apport précieux à l'étude de ce problème a été fait par P. N. Trétiakov dans son ouvrage *Les tribus slaves orientales*. Il y pose d'une manière tout à fait nouvelle la question des origines slaves, esquisse les jalons de leur chemin historique de la période du régime primitif de la communauté, étudie les destinées des peuples slaves d'Orient à l'époque de la désagrégation du régime primitif de la communauté, ainsi que la lutte des slaves contre les Etats à régime esclavagiste de la Méditerranée et des rives de la mer Noire (Byzance incluse). Le fait que les historiens et archéologues ont pu établir le niveau élevé du développement social et économique des slaves lors des guerres des Balkans des VIe et VIIe siècles, a permis de comprendre l'influence de leur structure sociale sur les rapports sociaux et économiques existant alors dans l'Empire byzantin.

Ainsi, les toutes dernières études des historiens soviétiques ont montré le rôle important des tribus slaves

dans les destinées de l'Empire romain d'Orient, ce qui est en beaucoup de points analogique au rôle joué par les germains et autres peuples dit «barbares» dans les destinées de l'Empire romain d'Occident.

Toutefois, on ne peut encore considérer comme étant résolus tous les problèmes du passage du régime de l'esclavage au féodalisme. C'est pourquoi les historiens ont commencé à l'heure actuelle un débat vif et fructueux sur la question de la fin du régime de l'esclavage et son remplacement par le féodalisme. A ce débat prennent également part les savants byzantinistes. Il s'est avéré au cours de ce débat qu'il existait des divergences de vues entre certains savants, en particulier sur la détermination de l'époque de la désagrégation du régime de l'esclavage à Byzance²⁰. Il n'y a pas de doute que la continuation d'échanges de vues sur ce problème va contribuer à sa solution définitive.

L'attention des byzantinistes a été également attirée par une question aussi ardue que le problème de l'affirmation du féodalisme à Byzance. En même temps ils ont démontré le rôle important des tribus slaves dans la formation des rapports féodaux dans l'Etat byzantin. Se fondant sur l'étude de divers écrits anciens et en particulier de *La loi agricole*, ainsi que sur les résultats des fouilles archéologiques, les historiens (E. E. Lipchits, M. I. Suzumov)²¹ ont éclairci le problème de l'influence de la communauté slave libre sur l'évolution des rapports féodaux dans l'Empire byzantin. En même temps ils ont cherché à établir la véritable échelle et le caractère des changements d'importance dus à la pénétration des slaves à Byzance et l'apport fait par eux à la structure sociale de ce pays. Les travaux de M. V. Levtchenko, M. I. Suzumov et autres²² qui se fondent sur la méthode

de l'étude historique comparée du processus de la formation des rapports féodaux dans un certain nombre de pays de l'Orient et de l'Occident se rapportent à certaines questions particulières du développement du féodalisme à Byzance. Tandis qu'en Occident la période du développement des rapports féodaux était caractérisée par une complète décadence des métiers, du commerce ainsi que par un dépeuplement des villes, de très importants centres urbains avec une production artisanale très développée et un commerce prospère se sont conservés à cette époque à Byzance. Les villes byzantines furent les gardiennes de la haute culture matérielle et spirituelle de l'antiquité. Le fait que les villes continuaient d'être des centres importants de l'artisanat et du commerce a fortement influencé le processus de la formation du féodalisme à Byzance contribuant à une moindre naturalisation de son économie.

Les rapports de production dans les villes byzantines dans la période de la formation du féodalisme font ces dernières années l'objet des études de nombreux savants (M. I. Suzumov, E. E. Lipchits, A. P. Kajdan et autres)²³. M. I. Suzumov a fait paraître la traduction en langue russe du monument écrit du Xe siècle, dénommé *Livre du Préfet*, qui est une source précieuse de l'histoire de l'organisation intérieure des corps de métiers byzantins²⁴.

Sur la base de l'étude des monuments législatifs, des écrits hagiographiques et épistolaires, ainsi que par l'étude des faits rapportés dans les chroniques byzantines, les savants ont établi le rôle des villes byzantines dans le processus général de la formation et de l'évolution du féodalisme à Byzance faisant voir que le développement social et économique des villes byzantines au début du moyen âge était organiquement lié aux changements de

la structure sociale de l'Empire byzantin. Sans nier que les villes de Byzance étaient héritières des villes romaines et helléniques, nos savants démontrèrent en même temps le caractère féodal des villes byzantines du Xe siècle. Ils firent également ressortir les traits de ressemblance et de différence des corps de métiers et de corporations marchandes byzantines avec celles des villes de l'Europe Occidentale, tout en notant que les particularités de l'organisation des corps de métier byzantins étaient à leur tour dues au développement spécifique social, économique et politique de Byzance dans la période de formation du féodalisme. L'Empire byzantin de cette période a su garder sa centralisation, ce qui explique par exemple la faiblesse relative des corps de métiers byzantins et la sévère réglementation de l'Etat à leur égard. Une plus longue conservation des vestiges de l'esclavage à Byzance détermina l'utilisation sur une vaste échelle du travail d'esclaves dans les corps de métiers byzantins du Xe siècle. Un des traits spécifiques de la production artisanale byzantine était l'emploi de la main-d'œuvre salariée — des *misthis*. C'est en relation avec cela qu'à la différence des corps de métiers en Europe Occidentale où existaient les catégories de maîtres, de compagnons et d'apprentis, les *ergastères* byzantins se composaient de quatre catégories sociales, notamment, patrons d'*ergastères*, esclaves (main-d'œuvre qualifiée ou petite main), ouvriers salariés — *misthis* et apprentis.

Se refusant à toute idéalisation de l'organisation byzantine de corps de métiers, M. I. Suzumov arrive, divers documents à l'appui, à démontrer la situation extrêmement pénible des travailleurs des villes byzantines, et tout particulièrement celle des esclaves et des *misthis*. Il fait voir les contradictions sociales à l'intérieur des

corps de métiers, prouvant par là même le caractère erroné de la théorie de la soi-disant situation privilégiée de la main-d'œuvre des ateliers artisanaux byzantins et en particulier des ateliers produisant des soieries précieuses²⁵.

M. I. Suzumov fait la synthèse de plusieurs années d'étude dans le domaine de la structure des villes byzantines dans un ouvrage intitulé *Rapports de production dans la ville emporium byzantine de la période de la genèse du féodalisme*²⁶.

Une autre caractéristique importante du développement des rapports féodaux à Byzance est constituée par le fait que la formation du féodalisme avait lieu ici dans les conditions d'un Etat dans une certaine mesure centralisé. A l'époque où, sur les ruines de l'Empire romain d'Occident, se créait un certain nombre de royaumes «barbares» indépendants, Byzance au contraire présentait même au début du moyen âge un seul et unique organisme d'Etat avec un pouvoir centralisé et un appareil bureaucratique très développé.

Une troisième caractéristique importante distinguant Byzance des pays de l'Europe Occidentale de la période de la formation du féodalisme réside dans la conservation au sein de l'Empire byzantin d'une haute culture et d'un niveau élevé d'instruction. Au moment où, au début du moyen âge, nous observons en Occident, la déchéance de la culture matérielle et spirituelle et l'abandon de nombreuses valeurs culturelles créées dans l'antiquité, Byzance reste à la même époque une oasis de la civilisation antique qui évolue d'une façon originale sous l'influence des cultures des peuples qui se sont établis sur le territoire de l'Empire.

Dans leurs études sur le développement du mode de

production féodal à Byzance, nos historiens prêtent une attention toute particulière au problème de la formation de la propriété sur la terre, ainsi qu'au problème de l'asservissement du cultivateur byzantin. En même temps ils cherchent à établir la différence existant entre la situation de la population rurale féodalement dépendante à Byzance et dans les pays de l'Europe Occidentale et Orientale (stabilité de la commune rurale libre comme suite de l'établissement des slaves sur le territoire de l'Empire, rôle plus important qu'en Occident de la rente foncière centralisée du fait de l'existence de l'Etat, etc.)²⁷.

L'étude de la structure agraire de Byzance amena nos savants à conclure que les rapports féodaux étaient déjà complètement établis à Byzance vers le début du XIe siècle. Cette façon de voir est contraire à celle de certains savants étrangers qui affirmaient que le féodalisme fut introduit à Byzance par les croisés occidentaux après la conquête de Byzance en 1204 lors de la quatrième croisade.

Les mouvements antiféodaux des paysans au début du moyen âge, tel le mouvement des pauliciens, — ont fait également l'objet des études des byzantinistes (E. E. Lipchits, M. I. Suzumov, Mélik-Bakhchian et autres)²⁸.

Un des plus grands mouvements antiféodaux du début du moyen âge, — le soulèvement de Thomas le Slave (821-823)²⁹ — a été étudié d'une façon approfondie par les savants. Utilisant une documentation historique concrète très importante, ils ont cherché à établir le rôle des soulèvements populaires des IXe et Xe siècles pour les destinées de l'Empire³⁰.

Des problèmes compliqués qui se rapportent à la dernière période de l'existence de l'Empire byzantin (XIIIe-XVe siècles) se posent devant les savants. Il

est à noter que l'étude des rapports sociaux et économiques qui s'étaient formés à Byzance à la fin de son existence était pendant longtemps négligée dans notre littérature historique. Toutelois, au cours des dernières années nos byzantinistes se sont efforcés de combler cette lacune de notre historiographie. Ils attachèrent leur attention principalement à l'étude de la structure agraire de la dernière période de Byzance et en premier lieu à l'éclaircissement du caractère spécifique du «féodalisme byzantin de la dernière période». A cet effet il faut signaler l'ouvrage de B. T. Gorianov *La paysannerie byzantine au temps des Paléologues*³¹. L'auteur se servant de divers actes, y étudie la situation de la paysannerie byzantine au cours des XIIIe-XVe siècles ainsi que l'évolution des formes de dépendance féodale des cultivateurs et les destinées de la commune rurale. Les ouvrages de A. F. Vichniakova, I. I. Sokolov, E. Tchernoussov et autres historiens³² sont également consacrés à l'analyse des rapports agraires de la dernière période byzantine.

Certains historiens soviétiques voient dans la dernière période de l'existence de Byzance l'époque de la désagrégation des rapports féodaux. Le développement des échanges marchandises-argent et la différenciation de la population rurale ont créé à leur avis les conditions préalables pour l'apparition à l'intérieur de la société féodale d'éléments de nouveaux rapports capitalistes. C'est ce point de vue que défend son ouvrage *Les rapports agraires à Byzance au cours des XIIIe et XIVe siècles* l'historien A. P. Kajdan. Son point de vue est partagé par d'autres savants³³.

L'étude des rapports sociaux et économiques de la dernière période de Byzance est d'une grande importance pour la solution d'un problème aussi compliqué que celui

de la chute de l'Etat byzantin au XVe siècle. Ce n'est qu'à base d'une analyse de la structure sociale et économique de Byzance de la dernière période qu'il est possible d'établir les raisons de la destruction de l'Etat byzantin. La décadence économique — conséquence de la non-compatibilité entre les forces productrices en développement et les rapports de production féodale — agissant comme frein — fut une des raisons principales de cet état de choses³⁴. La décadence économique a été cause de la misère des populations rurales et des masses plébéiennes de la ville, ce qui à son tour provoqua l'accentuation de la lutte des classes dans l'Empire³⁵.

Du fait des changements importants dans l'économie des villages et des villes de Byzance de la dernière période dus à la désagrégation des rapports féodaux le caractère de la lutte des classes se modifie. Des soulèvements auxquels participent au même titre les paysans féodalement dépendants et les masses plébéiennes asservies des villes font suite à des soulèvements antiféodaux purement paysans. Dans les villes byzantines, bien qu'assez lentement naissent les éléments du capitalisme et se forment de nouvelles forces sociales, ce qui fit entrer la lutte des classes à Byzance dans une nouvelle phase. Le serf n'est plus seul dans sa lutte contre le seigneur mais combat côte à côte avec l'artisan et le travailleur salarié des villes non moins misérable que lui. Des mouvements antiféodaux paysans de Thrace et de Macédoine fusionnent à cette époque avec les soulèvements des masses plébéiennes et des populations commerçantes de Thessalonique et d'Andrinople. Les changements dans le caractère de la lutte de classes au XIVe siècle trouvent leur meilleure expression dans le soulèvement des zélotes de Thessalonique (1342-1349).

La commune de Thessalonique fut une des premières annonciatrices des futures luttes de classes de la bourgeoisie naissante alliée à la paysannerie et les masses plébéiennes des villes. C'est cette alliance des masses de la ville avec les populations rurales asservies qui fit la force de la commune de Thessalonique lui donnant la possibilité de résister pendant 7 ans aux attaques conjuguées de ses ennemis. Sa faiblesse, qui provoqua l'écroulement de la république des zélotes, consistait dans une insuffisante maturité politique des diverses couches sociales de la ville et dans l'absence des conditions économiques pour le développement et la consolidation de la bourgeoisie et de la classe prolétarienne. L'étude du soulèvement des zélotes fait l'objet des ouvrages de A. K. Berguer, B. T. Gorianov, A. P. Kajdan et autres savants³⁶. B. T. Gorianov analyse les sources se rapportant au soulèvement des zélotes et montre la participation de larges masses paysannes, de la Thrace et de la Macédoine à ce soulèvement, ce qui prouve le caractère anti féodal du mouvement. A. P. Kajdan qui pose le problème de la dissension sociale des masses ayant participé au soulèvement des zélotes, met en évidence la politique de trahison des gros marchands et du patronat artisanal de Thessalonique, et détermine les étapes du mouvement des zélotes. L'étude par nos savants du programme des réformes sociales et économiques des zélotes et de leur activité dans l'application de ce programme, est d'une grande importance pour la compréhension du caractère de ce mouvement.

Une place importante est attribuée dans les travaux de nos historiens à la situation extérieure de Byzance et de ses relations avec les pays de l'Europe Orientale et Occidentale, ainsi qu'avec l'Orient asiatique.

Les meilleurs résultats en ce sens ont été enregistrés dans le domaine de l'étude des relations de Byzance avec les pays slaves et, en particulier, avec la Russie de Kiev. Certains savants (B. D. Grékov, M. N. Tikhomirov, P. N. Trétiakov, B. A. Rybakov, V. I. Pitchéta, A. V. Michouline, M. V. Levtchenko et autres)³⁷ s'attachent à résoudre les problèmes des origines des Slaves orientaux et méridionaux et de leurs rapports avec Byzance.

Un autre problème, étroitement lié à celui de l'origine des anciens slaves, est celui de la constitution des premiers Etats des Slaves orientaux et des Slaves méridionaux. Comme la constitution des premiers Etats slaves dans la péninsule Balkanique était accompagnée de luttes farouches contre l'Empire de Byzance, il est tout naturel que nos historiens attachent une grande importance à l'étude des rapports existant à l'époque entre les peuples slaves et Byzance (P. N. Trétiakov, S. A. Nikitine et autres)³⁸. Un ouvrage collectif *Histoire de Bulgarie*³⁹ contient les dernières données sur le problème de la constitution de l'Etat bulgare et de ses relations avec Byzance.

Les historiens et archéologues qui s'occupent de l'histoire de notre pays et en particulier de la constitution de l'Etat de Kiev, se sont tout naturellement intéressés à la question des relations entre Byzance et la Russie de Kiev au début du moyen âge (B. D. Grékov, M. N. Tikhomirov, B. A. Rybakov, V. V. Mavrodine, M. V. Levtchenko et autres)⁴⁰. Se servant de nouvelles données provenant des sources russes et byzantines et reconsidérant avec un esprit critique les écrits des auteurs byzantins dont s'étaient déjà servis les historiens y trouvèrent à nouveau confirmation des conclusions du byzantiniste russe V. G. Vassiljevski qui affirmait que les

premières campagnes russes contre Byzance eurent lieu bien avant l'an 860. Cela nous offre une preuve supplémentaire de l'existence d'un fort Etat de Kiev longtemps avant l'avènement de la dynastie des Rurikovitch et démontre encore une fois l'inconsistance de la théorie normaniste des origines de l'Etat russe de Kiev⁴¹.

Etudiant les campagnes russes contre Byzance aux IXe et Xe siècles et les traités russo-byzantins du Xe siècle nos historiens (B. D. Grékov, M. V. Levitchenko et autres) ont fait voir d'une façon approfondie que ces campagnes n'avaient pas pour but que le «pillage», comme le faisaient croire certains savants, mais étaient provoquées par des raisons politiques et économiques profondes. Ces campagnes ne poursuivaient pas comme but unique la prise d'un riche butin, mais exprimaient l'aspiration russe de se faire admettre avec des droits égaux sur un des plus grands marchés du temps — Constantinople — et de forcer Byzance à tenir compte du nouveau facteur politique que représentait le puissant Etat de Kiev⁴².

Les rapports internationaux entre les divers Etats de la péninsule des Balkans au Xe siècle, lors des campagnes bulgares du prince russe Sviatoslav, font l'objet d'une étude spéciale de nos historiens (M. N. Tikhomirov, M. V. Levitchenko, P. O. Karychkovski et autres)⁴³. Dans son ouvrage *Liens historiques du peuple russe avec les Slaves méridionaux depuis les temps les plus anciens jusqu'à la première moitié du XVIIe siècle* M. N. Tikhomirov nous montre que, du temps de la deuxième campagne bulgare du prince russe Sviatoslav, commence à se former l'alliance russo-bulgare contre Byzance et la noblesse bulgare qui fit cause commune avec Byzance. Cette alliance avait pour base les anciennes relations économiques, politiques et culturelles de la Russie et de la Bulgarie.

Elle était également conditionnée par la politique agressive de Byzance envers les pays du littoral Ouest de la mer Noire. Ce point de vue exprimé pour la première fois dans notre littérature historique par M. N. Tikhomirov a été par suite développé dans les travaux de M. V. Levtchenko et P. O. Karychkovski. Le dernier des auteurs nommés est de plus arrivé par la comparaison des sources byzantines, russes et orientales à préciser le temps des campagnes bulgares de Sviatoslav⁴⁴.

Les relations russo-byzantines du temps du prince Vladimir qui faisaient l'objet de l'étude de nombreux savants russes d'avant la Révolution et des savants soviétiques, étaient à nouveau soumises à l'étude par M. V. Levtchenko qui a précisé un certain nombre de questions litigieuses relatives à l'organisation primitive de l'Eglise russe. Dans ses recherches sur ces questions M. V. Levtchenko s'est penché avec attention sur l'étude de sources byzantines qui contenaient des informations sur l'Etat de Kiev. Il continuait ainsi les meilleures traditions des byzantinistes russes (V. G. Vassilievski et autres). En particulier il a revu la question de la date et de la localisation du monument «énigmatique» *Note du toparque grec*, ce qui l'a fait arriver à la conclusion que le lieu d'action du toparque grec, auteur de la *Note*, n'est pas la Crimée (comme l'avaient pensé certains savants), mais les rives du Dniestr; quant aux événements décrits dans ce monument ils se rapportent à la fin du Xe siècle — à l'époque du règne du prince Vladimir de Kiev et des guerres de l'empereur byzantin Basile II contre le tsar bulgare Samuel. L'examen de l'écrit a donné la possibilité à M. V. Levtchenko de tirer une autre conclusion importante, à savoir que la Russie de Kiev sous Vladimir maintenait des relations étroites

tes avec les pays du Danube où existait une population russe⁴⁵. Le même savant a soumis à une nouvelle analyse quelques données des historiens byzantins, et en particulier celles de Constantin Porphyrogénète relatives à l'Etat de Kiev et de ses rapports avec Byzance faisant ressortir leur caractère excessivement tendancieux et signalant de nombreuses inexactitudes de l'auteur dans sa façon de traiter l'histoire de Russie⁴⁶. Le résultat de plusieurs années d'études de M. V. Levtchenko sur les relations russo-byzantines fait l'objet de son ouvrage fondamental de généralisation *Aperçu sur l'histoire des relations russo-byzantines*, ouvrage posthume dont on prépare la publication.

Les relations politiques et culturelles de Byzance et de la Russie moscovite font l'objet d'une étude approfondie de M. N. Tikhomirov dans l'ouvrage *Byzance et la Russie moscovite*⁴⁷. L'auteur montre dans cet ouvrage que malgré son éloignement Moscou avait au XIVe siècle des relations plus étroites avec Constantinople que les autres villes russes. Les échanges culturels entre la Russie moscovite et Byzance étaient aussi profitables pour l'un que pour l'autre de ces pays. Toutefois, les tentatives faites par Byzance de soumettre la Russie moscovite à son influence politique par l'intermédiaire du clergé grec rencontraient une résistance énergique de la Russie moscovite qui maintint l'indépendance de son Eglise vis-à-vis de Byzance. De plus, avec l'affaiblissement de l'Empire des Romées à partir de la fin du XIVe siècle Byzance recourt de plus en plus souvent à l'aide de l'Etat russe.

L'apport de nos savants dans le domaine de l'étude des relations de Byzance et des peuples slaves et en particulier des relations byzantino-russes n'est pas à

négliger. La science soviétique refute la thèse erronée de la soi-disant entière dépendance de la culture slave (y compris celle de la Russie) de Byzance.

Sans nier l'apport important de Byzance à la vie politique et culturelle des pays slaves, nos savants ont en même temps démontré le niveau élevé du développement politique, social et culturel des peuples slaves déjà au début du moyen âge. C'est ainsi que dans son ouvrage fondamental *Les métiers en Russie ancienne*, B. A. Rybakov, découvertes archéologiques à l'appui, prouve qu'aux IXe et Xe siècles l'Etat de Kiev avait atteint un niveau élevé de développement de sa culture matérielle et spirituelle⁴⁸. Nos savants sont arrivés à la conclusion que les échanges culturels entre Byzance et les peuples slaves n'étaient sûrement pas à sens unique, mais que les peuples slaves ont fortement marqué par leur influence le régime social et la culture de Byzance. Les résultats des études des savants dans ce domaine sont généralisés dans un ouvrage collectif *Histoire de la culture de la Russie ancienne*⁴⁹.

Au cours des dernières années les historiens soviétiques (M. N. Tikhomirov, D. S. Likhatchev, K. E. Granstreme, M. V. Chtchepkina et autres)⁵⁰ se sont penchés sur diverses questions de l'histoire de la culture des peuples slaves et en particulier sur le problème des origines de l'écriture slave.

Contrairement au point de vue de certains savants étrangers qui considéraient que l'écriture, de même qu'en général toute la culture, a été empruntée par les peuples slaves à Byzance, nos savants ont prouvé que l'écriture slave s'est formée sur la base des signes slaves («tcherty i rezy» — en russe) existant bien avant Cyrille et Méthode,

Les problèmes économiques, diplomatiques et culturels des relations de Byzance avec les pays de l'Europe Occidentale n'échappent pas non plus du champ de vision de nos savants médiévalistes.

Les relations économiques, politiques et culturelles étroites de Gênes et Venise avec l'Empire byzantin font l'objet des études de E. T. Skrjinskaïa et N. P. Sokolov.

Dans son ouvrage *Les Gênois au XIVe siècle à Constantinople* E. T. Skrjinskaïa peint avec des couleurs vives le tableau plein de dramatisme de la décadence de l'Empire jadis brillant des Romées au XIVe siècle et montre la pénétration des marchands italiens (Vénitiens d'abord, Gênois ensuite) à Byzance. Elle démontre les conséquences néfastes de cette pénétration pour le développement économique de l'Empire⁵¹. Dans une autre de ses études *Pétrarque au sujet des Gênois dans le Levant* le même auteur fait une analyse profonde de l'héritage épistolaire du grand poète italien—source historique qui aide à comprendre les péripéties compliquées de la lutte acharnée des Gênois et des Vénitiens pour la suprématie à Byzance⁵².

Les relations entre Byzance et Venise au cours des XIe-XIIIe siècles sont également étudiées dans les ouvrages de N. P. Sokolov⁵³. Parmi ses ouvrages, celui qui mérite le plus grand intérêt est *La part de Venise dans l'héritage byzantin*. Dans cet ouvrage l'auteur reconsidère les données de certaines sources dont l'interprétation habituelle lui paraissait manquer de précision et donne sa version sur les acquisitions territoriales de Venise à Byzance comme suite à la quatrième croisade.

L'histoire des croisades pour l'étude desquelles un effort considérable a été fait par les byzantinistes russes et en particulier par F. I. Ouspenski continue d'attirer

l'attention de beaucoup de savants. La quatrième croisade qui avait joué un rôle si néfaste dans les destinées de Byzance a fait naître une forte résonance dans les écrits russes de l'époque. Sous ce rapport l'étude par N. A. Mechtcherski du *Récit ancien russe sur la prise de Tsargrad par les Phriags* (et d'autres sources russes) jette un jour nouveau sur les dramatiques événements de 1204 et présente un grand intérêt⁵⁴. En même temps qu'est poursuivie l'étude de nouvelles données des sources anciennes russes sur l'histoire de la quatrième croisade, nos byzantinistes revoient aussi certaines questions relatives au rôle de la papauté dans la quatrième croisade et cherchent à élucider la situation internationale compliquée qui s'était créée à l'époque⁵⁵.

Au cours des dernières années notre science a également étudié les questions des relations diplomatiques, politiques et culturelles de Byzance avec les Etats de l'Europe Occidentale durant les XIIIe-XVe siècles⁵⁶.

Les relations de Byzance avec les pays de l'Orient constituent une branche à part de nos études byzantines. Parmi les travaux de nos savants consacrés à cette question il faut avant tout noter ceux de N. V. Pïgoulevskaïa. Ses ouvrages donnent une vue d'ensemble des relations de Byzance avec les pays de l'Orient au début du moyen âge. Dans une monographie *La Mésopotamie à la limite des Ve et VIe siècles*, N. V. Pïgoulevskaïa caractérise les rapports agraires dans la province byzantine d'Ozroéné et jette la lumière sur les relations de Byzance et de l'Iran à la limite des Ve et VIe siècles. Pïgoulevskaïa se sert d'une précieuse documentation puisée dans la chronique syrienne de Joshué le Stylite⁵⁷. Dans une autre monographie *Byzance et l'Iran à la limite des VIe et VIIe siècles* le même auteur n'étudie pas seulement en

détail les rapports de ces pays mais analyse également la structure sociale de la période d'écroulement du régime de l'esclavage dans les deux pays⁵⁸.

C'est à l'étude des liaisons économiques de Byzance avec les pays du Proche et de l'Extrême-Orient au cours des IVe-VIe siècles qu'est consacré le troisième ouvrage de N. V. Pigoulevskaïa *Byzance sur la route des Indes*⁵⁹.

Continuant à développer les meilleures traditions de la science russe d'avant la Révolution (V. G. Vassilievski, F. I. Ouspenski, V. V. Latychev, S. P. Chestakov, I. A. Koulakovski, A. N. Lambine et autres) qui avait fait un apport précieux à l'étude de l'histoire de la Crimée au moyen âge nos historiens et archéologues étudient des questions telles que le problème des relations de Byzance avec la Crimée et celui des relations des colonies byzantines de la Crimée avec la Russie. L'histoire de la Crimée au moyen âge fait l'objet de plusieurs années d'études de E. T. Skrjinskaïa qui choisit pour thème l'étude de l'histoire des colonies gènoises en Crimée et leurs rapports avec Byzance. Au cours de plusieurs années les archéologues ont effectué des fouilles actives à la place de l'ancienne Chersonèse — bastion avancé de Byzance en Crimée. Les fouilles ont donné de précieux résultats. De nouvelles basiliques, des quartiers d'habitation de la ville ont été découverts. Une vaste documentation archéologique qui offre la possibilité de caractériser certaines branches de la production artisanale de Chersonèse du moyen âge, de préciser la topographie de la ville, de faire le jour sur ses relations économiques, politiques et culturelles avec la Russie et les autres pays, a été recueillie pendant les fouilles. Dans la monographie de A. L. Jakobson *La Chersonèse du*

moyen âge ainsi que dans d'autres travaux de nos savants est fait le point sur les résultats des nouvelles fouilles archéologiques⁶⁰. De nombreuses études des historiens de l'Arménie et de la Géorgie sont consacrées à l'étude des relations entre ces pays et Byzance⁶¹. Aux archives des anciens manuscrits arméniens — à Matenadaran — existe une collection unique de documents sur l'histoire de Byzance et ses relations avec l'Arménie.

Les efforts de nos savants sont également dirigés vers l'étude de la culture matérielle et spirituelle de Byzance, de sa science et de son art. Dans le cercle de questions étudiées par nos byzantinistes — rentre tout ce qui a trait aux idées sociales et politiques, à l'évolution de la pensée scientifique, ainsi que le problème de lutte philosophique et religieuse dont l'étude aide à la compréhension de l'idéologie de la société féodale byzantine aux divers stades de son développement. M. V. Levtschenko consacre une série de ses travaux à l'étude de la lutte des idées politiques du début de l'histoire de Byzance. Se basant sur l'analyse des œuvres de Synésius de Cyrène et d'Agathias de Myrina, et étudiant les conceptions politiques de ces auteurs, M. V. Levtschenko montre que les collisions sociales aiguës et les événements politiques orageux de l'époque de l'écroulement du régime de l'esclavage à Byzance ont trouvé leur répercussion dans le domaine de la lutte des idées politiques⁶². Cependant il reste encore beaucoup de questions discutées et en suspens ayant trait à l'histoire de la culture et de l'art de Byzance de l'époque transitoire entre le régime de l'esclavage et le féodalisme. Parmi ces questions il s'en trouve qui ont fait l'objet des travaux de l'historien de l'art A. V. Bank⁶³. Contrairement au point de vue de certains byzantinistes étrangers qui estiment

que la culture de Byzance possédait toujours certains traits décadents et n'évoluait pas du fait de son asservissement total aux dogmes de l'Eglise, les savants soviétiques arrivèrent, quant à eux, à la conclusion que la culture byzantine des débuts du moyen âge aussi bien que celle des pays de l'Europe Occidentale avait un caractère plus laïque qu'on ne s'en doutait. Cette caractéristique de la culture byzantine s'explique non seulement par la conservation de certains éléments de la culture antique, mais tout d'abord par l'existence dans l'Empire byzantin au début du moyen âge de grandes villes—centres de la culture laïque. Nos byzantinistes ont abandonné la thèse dite des «siècles obscurs» de la culture byzantine (VIIe-IXe siècles) et ont montré qu'à cette époque les sciences, les arts laïques continuaient à se développer de même que la culture et l'instruction de la société féodale de Byzance ne faisaient qu'augmenter. Ce point de vue a été argumenté dans l'ouvrage de E. E. Lipchits *La société byzantine et sa culture au cours des VIIIe-IXe siècles*⁶⁴.

Une des questions épineuses mais importantes qui se posent devant les historiens de Byzance est le problème de la Renaissance à Byzance. Un débat important s'est engagé parmi nos savants au sujet de l'essence sociale de la Renaissance (y compris celle de Byzance). Nos savants étudient cette question afin de déterminer la base sur laquelle se sont produits tels ou tels phénomènes culturels et historiques comme l'Humanisme et la Renaissance. La plupart des savants considéraient ces phénomènes comme étant caractéristiques pour le début de la culture bourgeoise soulignant en même temps l'existence d'un fort courant populaire dans la culture de l'époque de la Renaissance. Deux points de vue se sont rencon-

trés au sujet de la Renaissance byzantine: certains savants reconnaissent l'existence de la Renaissance byzantine en tant que phénomène culturel et historique lié à la naissance des éléments d'une société capitaliste et à l'essor de la bourgeoisie des villes à Byzance des XIVe-XVe siècles. Ils rattachent ce mouvement humaniste à l'activité des savants byzantins tels que Théodore Métochites, Bessarion de Nicée, Georges Gémist Plèthon⁶⁵. D'autres savants et en particulier des historiens d'art soulignent le caractère limité et temporel de la Renaissance byzantine qui a été bien rapidement étouffée par les courants cléricaux réactionnaires⁶⁶. Cette question controversée n'a pas reçu encore sa solution définitive.

Beaucoup de travaux ont été effectués au cours de ces dernières années par les savants soviétiques dans le domaine des études byzantines. L'ouvrage de V. N. Lasareff *Histoire de la peinture byzantine* constitue à ce titre un apport bien précieux à l'étude de l'art byzantin. Dans cet ouvrage l'auteur brosse un tableau vivant de divers genres de la peinture byzantine (fresques, mosaïques, peintures d'icônes, miniatures), dans leur évolution à travers l'histoire de Byzance. Cet ouvrage analyse non seulement certains monuments de la peinture byzantin) (y compris certaines miniatures inconnues auparavant) mais il caractérise en même temps diverses écoles byzantines et leurs tendances. Une importance particulière y est attachée à l'étude du caractère spécifique de la peinture byzantine et de son originalité au point de vue style. Par ailleurs l'œuvre de V. N. Lasareff est d'un apport précieux quant à l'analyse des relations entre l'art byzantin et l'art d'autres pays⁶⁷.

L'histoire de l'architecture et de l'art byzantins font

également l'objet des études des savants M. V. Alpatov, N. I. Brounov, L. A. Matsoulévitch, A. V. Bank et autres historiens de l'art. N. I. Brounov choisit comme thème de travail les rapports de l'art byzantin et de l'art ancien russe démontrant l'originalité de la culture ancienne russe⁶⁸. A. L. Matsoulévitch, dans son ouvrage *Les antiquités byzantines* consacre son attention à la torentique et à l'élucidation de questions compliquées se rapportant à l'art de la période des débuts de l'histoire byzantine⁶⁹, A. V. Bank, quant à lui, se consacre à l'étude des relations culturelles avec les pays du Proche-Orient⁶⁹.

Les travaux de P. V. Ernstedt sont d'une grande importance pour l'étude de la philologie grecque⁷⁰.

En dehors des travaux de recherche les historiens et philologues soviétiques (S. P. Kondratiev, E. B. Vesely, S. V. Poliakova, I. V. Félenkovskaïa et autres) firent paraître au cours des dernières années un bon nombre d'écrits littéraires byzantins (surtout en traduction): les ouvrages historiques de Procope de Césarée, d'Agathias de Myrina, du patriarche Nicéphore, ainsi que des chroniques byzantino-syriennes *Le livre de Préfet*, une instruction sur la poliorcétique, la satire anonyme *Timarion* et une série d'extraits systématiquement choisis sur les relations slavo-byzantines⁷¹. Des traductions d'Olympiodore, de Théophylacte Simocatta, Cantacuzène, Laonique Chalcocondylès, Phrantzès, Doucas et autres auteurs byzantins sont prêtes pour la publication.

Telles sont les principales questions sur lesquelles ont travaillé au cours des dernières années les byzantinistes soviétiques. Ainsi, l'attention principale de nos savants a été attachée à l'étude de l'histoire sociale et économique de Byzance. De nombreuses études sur les mouve-

ments populaires dans l'Empire ont permis d'établir le rôle des masses dans ce mouvement. Une grande attention a été également prêtée aux relations de Byzance avec les pays étrangers ainsi qu'à la culture et l'art de la société byzantine.

Il est bien entendu que l'histoire de Byzance présente encore un grand nombre de problèmes peu étudiés, discutés ou non résolus. C'est ainsi que des problèmes très ardues se présentent devant les savants en ce qui concerne le développement des forces productrices dans l'Empire byzantin. De même les questions de l'évolution de la technique, de la production agricole et artisanale, du développement de la structure des villes surtout sur la fin de Byzance, sont à étudier avec attention. Au nombre des problèmes à résoudre figurent également la question du caractère et du rôle de l'Etat en tant que superstructure sur la base de la société byzantine. De grandes tâches incombent également aux savants dans le domaine de l'étude du niveau de la culture des masses populaires byzantines. Il n'y a pas de doute que des échanges scientifiques entre les savants étrangers et nos byzantinistes fondés sur la compréhension mutuelle et la collaboration la plus franche seront d'un grand profit pour nos savants.

Notes

1. L'Historiographie soviétique comprend les ouvrages suivants de byzantinologie:

B. D. G r é k o v, Histoire ancienne des Slaves et de Russie dans les travaux de V. G. Vassilievski. «Bulletin de l'histoire ancienne». M. 1939, № 1.

N. S. L é b é d e v, L'académicien V. G. Vassilievski et ses travaux sur l'histoire de Byzance. «Revue historique», M. 1944, № 5-6.

B. T. G o r i a n o v, F. I. Ouspenski et son apport à la byzantinologie. «Vizantiysky Vremennik». M. 1947, t. I.

Z. V. O u d a l t s o v a, De l'importance des travaux de l'académicien F. I. Ouspenski, «Problèmes historiques», M. 1949, № 6.

Aperçus sur l'histoire de la science historique en U.R.S.S., sous la rédaction de M. N. Tikhomirov, M. 1955.

2. Travaux se rapportant au problème du développement de la byzantinologie soviétique.

E. A. K o s m i n s k i, Les résultats et les problèmes de la byzantinologie soviétique, «Bulletin de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.», M. 1951, № 5.

M. V. L é v i t c h e n k o, La Byzantinologie en U.R.S.S., «Bulletin scientifique de l'Université de Léninegrad», L. 1949, № 112. Série des sciences historiques, op. 14.

N. S. L é b é d e v, 25 ans de la Byzantinologie Soviétique, «25 ans d'études historiques en U.R.S.S.», M.-L. 1942.

V. I. P i t c h é t a, L'Académie des Sciences et la Byzantinologie en U.R.S.S., «Bulletin de l'Académie des Sciences», M. 1945, № 5.

Du même auteur, Les études des historiens soviétiques sur les relations slavo-byzantines aux VIe-VIIe siècles (1917-1947), «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1947, № 3.

3. M. V. L e v t c h e n k o, Histoire de Byzance, M.-L. 1940.

4. L'Histoire du moyen âge, sous la rédaction de l'académicien E. A. Kosminski et du membre-correspondant de l'A. S. — S. D. Skazkina, 1952, t. I.

5. L'Histoire de Byzance dans le t. III de «L'histoire Universelle».

6. A. V. M i c h o u l i n e, Les slaves de l'antiquité et le sort de l'Empire romain d'Orient, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1939, № 1(6).

«Les anciens slaves et la chute de l'Empire romain d'Orient», «Revue historique», M. 1941, № 10—11.

7. P. V. P i g o u l e v s k a ĭ a, Du problème des rapports sociaux dans le Proche-Orient avant la conquête arabe, «Bulletin de l'Université de Léninegrad», L. 1948, № 4.

«De la décadence du régime d'esclavage dans le Proche-

Orient, «Problèmes historiques», M. 1950, № 4; Les Problèmes de la désagrégation des formes d'esclavage et la naissance des rapports féodaux dans le Proche-Orient», «Problèmes historiques», M. 1953, № 3.

8. M. V. L e v t c h e n k o, De l'histoire des rapports agraires à Byzance aux VIe-VIIe siècles à base de documents de l'Égypte byzantin, dans le livre: Les problèmes de l'histoire de la Société Capitaliste, L. 1935, Nos 1-2; Documentation sur l'histoire intérieure des Ve-VIe siècles, dans le Recueil byzantin, M.-L. 1945; Les biens de l'Église dans l'Empire romain d'Orient des Ve et VIe siècles «Vizantiysky Vrémennik», M. 1949, t. II.

9. N. V. P i g o u l e v s k a i a, Byzance sur la route des Indes; De l'histoire du commerce de Byzance avec l'Orient aux IVe-VIe siècles, M.-L. 1951; La diplomatie de Byzance et le commerce de soie aux Ve-VIIe siècles, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1947, t. I; Les relations de l'Éthiopie et du Hymiar avec l'Empire Romain d'Orient, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1948, № 1; «Les origines des guerres Kouchito-Hymiarit (Histoire sur le commerce et la diplomatie byzantine dans l'Orient. «Périodique byzantin», M. 1949, t. II; Les lois hymiarites, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1950, t. III; De l'organisation et des formes de commerce et de crédit des premiers temps de Byzance. «Vizantiysky Vrémennik», M. 1951, t. IV.

10. M. V. L e v t c h e n k o, Histoire de Byzance, M.— L., 1940. Ce problème est traité dans la I^e partie d'une monographie en préparation de M. I. Suzumov, Les rapports de production dans les villes byzantines — les emporiums à l'époque de la genèse du féodalisme.

11. A. D. D m i t r e v, Le mouvement des scamares, «Vizantiyski Vrémennik», M. 1952, t. V; La révolte des Wisigoths du Danube et la révolution des esclaves, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1950, № 1.

Synthèse de nombreuses années d'études de A. D. Dmïtrev relatif au problème du mouvement des masses populaires dans l'Empire romain, dans un ouvrage en voie de préparation ayant pour titre «Mouvements sociaux dans l'Empire romain en relation avec l'invasion des barbares».

12. N. V. P i g o u l e v s k a i a, Byzance et l'Iran à la limite des VIe-VIIe siècles M.-L. 1946; Z. V. O u d a l t s o v a,

Les mouvements populaires en Afrique du Nord sous Justinien, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1952, t. V, etc.

13. A. P. D i a k o n o v, Les dèmes et les factions byzantins au cours des Ve-VIIe siècles, publié dans le Recueil byzantin, M.—L. 1945.

M. V. L e v t c h e n k o, Les venètes et les prachines à Byzance aux Ve-VIIe siècles, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1947, t. I.

N. V. P i g o u l e v s k a ĭ a, Byzance et l'Iran à la limite des VIe et VIIe siècles, Recueil byzantin, M.—L. 1945.

M. I. S u z u m o v, Luttés politiques du cirque dans l'Empire romain d'Orient au IVe s., «Bulletin scientifique de l'Université de l'Oural», Sverdlovsk, 1952, op. II. Le point de vue de l'auteur de cet ouvrage quant à l'importance du mouvement des dèmes diffère légèrement de celui des autres savants.

14. Z. V. O u d a l t s o v a, Les mouvements populaires en Afrique du Nord sous l'empereur Justinien, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1952, t. V; La politique du gouvernement byzantin en Afrique du Nord sous Justinien, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1953, t. VI.

15. Z. V. O u d a l t s o v a, Préface à la traduction de l'ouvrage de Procope de Césarée, Histoire des guerres des Goths de Justinien, M., 1950; Les populations asservies de l'Italie rurale du VIes., «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1955, № 3.

16. N. V. P i g o u l e v s k a ĭ a, De la désagrégation du régime de l'esclavage dans le Proche-Orient, «Problèmes historiques», M.—1950, № 4; M. V. L e v t c h e n k o, Histoire de Byzance, M.—L. 1946; Z. V. O u d a l t s o v a, Chapitre IV du manuel de l'histoire du moyen âge, pour les Instituts et les Universités; Mouvements populaires et conquêtes «barbares» dans l'Empire romain de l'Orient aux IVe-VIIe siècles, M. 1952.

M. I. S u z u m o v, Au sujet des processus de féodalisation dans l'Empire romain, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1955, №. I.

17. A. D. D m i t r e v, Mouvements des scamares, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1952, t. V; A. V. M i c h o u l i n e, Les Slaves et le sort de l'Empire romain d'Orient, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1939, N° 1(6), etc.

18. B. D. G r é k o v, La Russie de Kiev, M. 1953; Du même

auteur: La lutte pour la constitution d'un Etat national russe, M. 1945.

P. N. Trétiakov, Les tribus des Slaves orientaux, M. 1953. Du même auteur: L'Expédition archéologique et ethnographique dans les Balkans, «Annales de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. série de l'histoire et de la philosophie, M. 1946, t. III, № 3.

A. V. Michouline, En dehors des travaux mentionnés plus haut: Documentation sur l'histoire ancienne des Slaves; Données fragmentaires sur les anciens Slaves dans les ouvrages des écrivains byzantins et gréco-romains. jusqu'au VIIes. ap. J-C, «Bulletin de l'histoire ancienne, M. 1941, № 1; M. V. Levitchenkovo, Byzance et les Slaves au cours des VIe et VIIe siècles, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1938, № 4(5).

A. P. Diakonov, Les Slaves des VIe et VIIe siècles dans les chroniques syriennes et les notes de Jean d'Ephèse, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1946, № 1; S. A. Jebelev, Maurice (le Stratège), Renseignements sur les slaves des VIe-VIIe siècles, «Archives historiques, M.— L. 1939; vol. II; B. T. Gorianov, Communes slaves du VIe siècle et leur structure sociale, «Bulletin d'histoire ancienne», M. 1939, № 1; N. V. Pigoulevskaja, Les Avars et les Slaves dans l'historiographie syrienne «Etudes orientalistes soviétiques», M.— L., 1941 t. 2.

19. P. N. Trétiakov, Tribus des Slaves orientaux, M. 1953; B. N. Rubakov, Les Antes et la Russie de Kiev, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1939, № 1; M. V. Brachtchevski, Au sujet des «Antes» (pseudo-Maurice), «Ethnographie Soviétique», M. 1954, № 2; V. V. Mavrodine, A propos du problème des «Antes» de pseudo-Maurice, «Ethnographie soviétique», M. 1954, № 2.

20. Cette discussion a été engagée par les revués, «Bulletin de l'histoire ancienne» et «Vizantiysky Vremennik». Une série d'articles sur l'abolition du régime de l'esclavage dans l'Empire romain de l'Orient vont paraître incessamment dans les prochains numéros de ces périodiques.

21. E. E. Lipchits, La population rurale byzantine et la pénétration slave, «Recueil byzantin», M.— L., 1945; Du même auteur, Sur l'histoire des communautés slaves en Macédoine du VIe au IXe siècle ap. J-C. (quelques observations sur l'histoire

agraire de Byzance); Dans le recueil consacré à l'académicien B. D. Grékov, M. 1952; E. E. Lipchits, La communauté slave et son rôle dans la formation du féodalisme byzantin, «Vizantiysky Vremennik», M. 1947, t. I.

M. I. Suzumov, Du caractère sociale de la législation des Basiliques, «Vizantiysky Vremennik», 1953, t. VI.

22. M. V. Levchenko, Histoire de Byzance, M. 1940; M. I. Suzumov, Les rapports de production dans les villes byzantines — les emporiums à l'époque de la genèse du féodalisme; Du même auteur, Questions litigieuses touchant au caractère et à la nature de la commune rurale byzantine en rapport avec la «loi agricole» (en préparation). Du même auteur. De la lutte des iconoclastes byzantins, «Bulletin scientifique de l'Institut pédagogique de Sverdlovsk», 1948, t. IV.

23. M. I. Suzumov, Les métiers et le commerce à Constantinople au début du Xe s., «Vizantiysky Vremennik», M. 1951, t. IV.

24. E. E. Lipchits, Sur la question des villes à Byzance aux VIIIe et IXe siècles «Vizantiysky Vremennik», M. 1953, t. VI.

A. P. Kajdan, Les corps de métiers et les ateliers d'Etat à Constantinople aux IXe et Xe siècles, «Vizantiysky Vremennik», M. 1953, t. VI; Du même auteur, Les esclaves et les misthis à Byzance des IXe-XIe, siècles, «Bulletin scientifique de l'Institut Pédagogique de Toula», 1951, № 2.

A. P. Kajdan, Les villes à Byzance aux VIIe-XVe, siècles, «L'archéologie soviétique», 1954, t. 21.

Le livre du Préfet, Statut des corps de métiers byzantins, traduction du grec; traduction et commentaires par M. I. Suzumov, Sverdlovsk 1949, «Bulletin de l'Institut pédagogique de Sverdlovsk».

25. M. I. Suzumov, Les métiers et le commerce à Constantinople au début du Xe s., «Vizantiysky Vremennik», M. 1951 t. IV.

26. Cet ouvrage est en voie de parution.

27. Ces problèmes font l'objet de l'ouvrage en préparation de A. P. Kajdan sous le titre de: Aperçu sur l'histoire du féodalisme byzantin de la fin du IXe — Xe s., ils sont traités également dans l'ouvrage de K. A. Ossipova, La situation de la paysannerie à Byzance au Xe s.

28. E. E. Lipchits, Les Pauliciens à Byzance au VIIIe s. et la première moitié du IXe s.. «Vyzantiysky Vremennik», M., 1952, t. V.

M. I. Suzumov, Problèmes de la lutte des iconoclastes à Byzance, «Bulletin de l'Institut pédagogique de Sverdlovsk», Sverdlovsk 1948, № 4.

S. T. Mélik-Bakhchian, Les Pauliciens en Arménie, Erévan 1953 (Université d'Erévan), en arménien.

29. E. E. Lipchits, Le soulèvement de Thomas le Slave et la paysannerie byzantine à la limite des VIIIe et IXe siècles «Bulletin de l'histoire ancienne», 1939, № 1.

30. A. P. Kajdan, Le grand soulèvement de Basile-Main-de-cuivre, «Vyzantiysky Vremennik», 1951, t. IV; Les mouvements paysans à Byzance au Xe s. et la politique agraire des empereurs de la dynastie Macédonienne, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1952, t. 5.

31. B. T. Gorianov, La paysannerie byzantine sous les Paléologues, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1950, t. III.

32. A. F. Vichniakov, Organisation économique du monastère de Lemviotisse, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1928, t. XXV; I. I. Sokolov, Les grands et petits seigneurs de Thessalie, du temps des Paléologues, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1923-1926, t. XXIV; Du même auteur. Documentation sur les us et coutumes de l'économie agricole à Byzance, «Bulletin de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., Section des sciences sociales», 1931; E. Tchernoousov, Encore sur le problème de l'histoire économique de Byzance, Travaux de l'Institut des recherches scientifiques au Caucase du Nord, 1928, t. XLVIII.

33. A. P. Kajdan, Les rapports agraires à Byzance aux XIIIe et XIVe s., M. 1952.

34. Z. V. Oudoltsova, Sur les raisons intérieures de la chute de Byzance au XVe s., «Problèmes historiques», M., 1953, № 7; La politique de trahison de la noblesse féodale de Byzance à l'époque de la conquête turque, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1953, t. VII; La lutte des partis dans le Péloponnèse du temps de la conquête turque, Recueil «moyen âge», M., 1951, t. III.

35. V. Z. Oudal'tsova, La lutte des partis à Byzance et les activités de Bessarion de Nicée, «Bulletin de l'Université de Moscou» M. 1947, N° 1.

36. A. K. Berguer, Soulèvement populaire à Byzance au XIVe s., Les archives de Marx et Engels, 1930, t. V.

B. T. Gorianov, Le soulèvement des zélotes à Byzance (1342-1349), «Bulletin de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., série d'histoire et de philosophie, 1946, t. III; La première homélie de Grégoire Palamas en tant que source de l'histoire de la révolte des Zélotes, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1947, t. I; A. P. Kadjan, Les rapports agraires à Byzance aux XIIIe et XIVe s. M. 1952, ch. VIII; Z. V. Oudaltsova, Sur les raisons intérieures de la chute de Byzance au XVe s., «Problèmes historiques», M., 1953, № 7.

37. B. D. Grékov, Le paysan russe à partir des temps les plus anciens et jusqu'au XVIIe s. M. 1950, 1e p.; La Russie de Kiev, M. 1953; La lutte pour la constitution d'un Etat national russe, M. 1954; V. A. Rybakov, Les métiers en Russie ancienne, M., 1948; V. I. Pitchéta, Les historiens soviétiques sur les rapports slavo-byzantins aux VIe-VIIes. (1917—1947), «Bulletin de l'histoire ancienne», 1947, № 3; L'Académie des Sciences et la Byzantinologie de l'époque soviétique, «Bulletin de l'Académie des Sciences», 1945, № 5—6; P. N. Trétiakov, Les tribus des Slaves orientaux, M., 1953; A. V. Michouline. Documentation sur l'histoire des Slaves anciens. Les Slaves anciens d'après les extraits des ouvrages d'écrivains gréco-romains et byzantins jusqu'au VIIe s. ap. J-C., «Bulletin de l'histoire ancienne», 1941, № 1; Les Slaves anciens et la chute de l'Empire romain d'Orient, «Revue historique», 1941, № 10-11; Les Slaves anciens et les destinées de l'Empire romain d'Orient, «Bulletin de l'histoire ancienne», 1939, № 1(6); M. V. Levtschenko. Byzance et les Slaves des VIe et VIIe siècles, «Bulletin de l'histoire ancienne», 1938, № 4-5; Une source précieuse sur les relations russo-byzantines au Xe s. (Les notes du Toparque grec), «Vyzantiysky Vremennik», 1951, t. IV; Les traités russo-byzantins de 907 et 911, «Vyzantiysky Vremennik», 1952, t. V; Œuvres de Constantin Porphyrogénète comme source de l'histoire de Russie de la première moitié du Xe s., «Vyzantiysky Vremennik», 1953, t. VI; Les rapports russo-byzantins sous Vladimir, «Vyzantiysky Vremennik», 1953, t. VI. Aperçu sur l'histoire de l'U.R.S.S., t. I, La période du féodalisme sous la rédaction de B. D. Grékov, L. V. Tchérépnina, B. T. Pachouto, M. 1953. t. I

38. P. N. Trétia kov, Ouvrages cités; S. A. Nikitine. Formation du peuple bulgare et constitution d'un Etat national bulgare, «Bulletin de l'Université de Moscou», M. 1952, série des sciences sociales № 1; J. V. Gautier, Constitution d'un Etat national serbe, Recueil slave, M. 1947.

39. Histoire de Bulgarie, sous la rédaction de P. N. Trétia kov, B. A. Nikitine et L. V. Valev, M. 1954, t. I.

40. B. D. Grékov, Ouvrages cités; M. N. Tikhomirov, Les villes de la Russie ancienne, «Bulletin scientifique de l'Université de Moscou», Op. 99, M. 1946; B. A. Rybakov, Ouvrages cités; V. V. Mavrodine, Ouvrages cités; M. V. Levtschenko, ouvrages cités; N. V. Pigoulevskaïa, Le nom «Pyc» (en russe) d'après les sources syriennes du VIe siècle ap. J-C., Dans le recueil «A. l'Académicien B. D. Grékov à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire». M. 1952; Sources syriennes de l'histoire des peuples de l'U.R.S.S., M.— L. 1941.

41. E. E. Lipchits, De l'expédition des Russes de Kiev contre Byzance avant l'an 842, «Bulletin historique», M 1948, t. XXVI.

42. B. D. Grékov, Russie de Kiev, M. 1949; Levtschenko, Aperçu sur l'histoire des relations russo-byzantines (en préparation); Du même auteur, Traités russo-byzantins des années 907-1911, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1952, t. V.

43. M. N. Tikhomirov, Relations historiques du peuple russe avec les Slaves du Sud depuis les plus anciens temps jusqu'à la deuxième moitié du XVIIe siècle, Recueil slave, M. 1947; M. V. Levtschenko. Ouvrages cités plus haut (42); P. O. Karychkovskii. Relations russo-bulgares lors des guerres Balkaniques de Sviatoslav, «Problèmes historiques» M. 1951, № 8; Du même auteur, Guerres Balkaniques de Sviatoslav dans les écrits historiques byzantins, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1953, t. VI; Du même auteur, A propos des guerres Balkaniques de Sviatoslav, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1953, t. VII.

44. P. O. Karychkovskii, De la chronologie des guerres Russo-Byzantines du temps de Sviatoslav, «Vyzantiysky Vremennik», M. 1952, t. V, etc.

45. M. V. Levtschenko, Les rapports de Byzance et de la Russie de Kiev du temps de Vladimir, «Vyzantiysky Vremennik»,

M. 1953, t. VII; Source précieuse pour l'étude des relations russo-byzantines au Xe siècle («Notes du Toparque grec»), «Vyzantiysky Vrémennik», M. 1951, t. IV.

46. M. V. L e v t c h e n k o, Œuvres de Constantin Porphyrogénète en tant que source de l'histoire de Russie dans la première moitié du Xe siècle, «Vyzantiysky Vrémennik», M. 1953, t. VI.

47. M. N. T i k h o m i r o v, Byzance et la Russie moscovite, «Revue historique», M. 1945, № 1 et 2.

48. B. A. R y b a k o v, Les métiers en Russie ancienne, M.— L. 1948.

49. Histoire de la culture de la Russie ancienne, sous la rédaction de B. D. G r é k o v et M. S. A r t a m o n o v, M.— L. 1948, t. I.

50. M. N. T i k h o m i r o v, La plus ancienne inscription russe, «Bulletin de l'A. S. de l'U.R.S.S.», M. 1950, № 4; L'écriture dans les villes de la Russie ancienne, travaux de la Section de la littérature russe ancienne, A.— L., 1953, t. IX; M. N. T i k h o m i r o v et M. V. C h t c h é p k i n e. Deux monuments de l'écriture ancienne de Novgorod, M. 1952; E. E. G r a n s t r e m e, О связи Кирилловского устава с византийским унциалом (en russe), «Vyzantiysky Vrémennik», M. 1950, t. III; D. S. L i k a t c h e v, Prémisses historiques de la naissance de l'écriture et de la littérature russe, «Problèmes historiques», M. 1951, № 12.

51. E. T. S k r j i n s k a ĩ a, Les Gênois à Constantinople au XIVe siècle, Vyzantiysky «Vrémennik», M. 1947, t. I.

52. E. T. S k r j i n s k a ĩ a, Pétrarque au sujet des Gênois au Levant, «Vyzantiysky Vrémennik», M. 1949, t. II.

53. N. P. S o k o l o v, A propos des rapports de Byzance et de Venise dans les dernières années du règne des Comnènes (1171 à 1185), «Vyzantiysky Vrémennik», M. 1952, t. V; La part de Venise dans «l'écritage» byzantin, «Vyzantivysky Vrémennik» M., 1953, t. VI; Politique orientale de la ploutocratie vénitienne au XIIe siècle, «Bulletin scientifique de l'Université de Gorki», Gorki, 1950, série des sciences historiques et linguistiques, op. 18; La synthèse de plusieurs années d'études de ces questions est faite par l'auteur dans un ouvrage qui est en préparation: Constitution et organisation première de l'Empire colonial vénitien (XIe-XIIIe siècles).

54. Cet ouvrage sera publié dans le prochain volume du «Vizantijsky Vremennik».

55. M. A. Z a b o r o v, La Papauté et la conquête de Constantinople par les Croisés du début du XIIIe siècle, «Vizantijsky Vremennik», M. 1952, t. V; A propos des préliminaires à la quatrième Croisade, «Vizantijsky Vremennik», M. 1953, t. VI, etc.

56. E. A. K o s m i n s k i, Byzance et l'Occident, «Bulletin de l'A.S. de l'URSS», M. 1944, № 7/8; Z. V. O u d a l t s o v a, La lutte des parties à Byzance au XVe siècle et les activités de Bessarion de Nicée, «Vizantijsky Vremennik», M. 1949, t. 2; La lutte des partis byzantins au concile de Florence et le rôle joué par Bessarion de Nicée dans la conclusion d'une Union, «Vizantijsky Vremennik», M. 1950, t. III, etc.

57. N. V. P i g o u l é v s k a ĭ a, La Mésopotamie à la limite des Ve et VIe siècles de l'E. N., M.— L. 1940.

58. N. V. P i g o u l e v s k a ĭ a, Byzance et l'Iran à la limite des VIe et VIIe siècles, M.— L. 1946.

59. N. V. P i g o u l e v s k a ĭ a. Byzance sur la route des Indes, M.— L., 1951.

60. A. L. J a k o b s o n, Chersonèse au moyen âge (XIIe-XIVe siècle), M.—L., 1950, série: «Documents et études d'archéologie de l'U.R.S.S.», № 17, Chersonèse et la Russie de Kiev, «Bulletin de l'Université de Leningrad», L. 1948, № 4; Byzance dans l'histoire de la Tauride au début du moyen âge, «L'archéologie soviétique», M. 1954, t. XXI; G. O. B é l o v, Chersonèse Taurique, «Exposés succincts de l'Institut de l'histoire de la culture matérielle de l'A.S. de l'U.R.S.S.», M. 1946, № 13 et autres.

61. Une revue de travaux de savants arméniens et géorgiens sur l'histoire de Byzance et ses relations avec l'Arménie et la Géorgie est faite dans l'ouvrage de E. A. K o s m i n s k i - B i l a n s des résultats obtenus et problèmes à résoudre de la byzantinologie soviétique, «Bulletin de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.», M. 1951, № 5. En dehors des travaux indiqués dans ce livre, il serait à nommer les ouvrages suivants de savants arméniens et géorgiens: K. L. K a k h i d z é. La Géorgie et la vie sociale et politique de Byzance, Tbilissi, 1945 (en géorgien); F a v s t o s B o u z a n d, Histoire d'Arménie, traduction et commentaires de M. A. Guévorguian, préface de E. S. Khatchékian,

Erévan 1953; G. G. M i k a é l i a n. Histoire de l'Etat Arménien de Silicie, Erévan, 1952; J. A. M a n a n d i a n. Quand et comment fut composée la «Géographie Arménienne» attribuée à Moïse de Khoren, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1947, t. I; Itinéraires des campagnes Perses de l'empereur Héraclius, «Vizantiysky Vrémennik», M., 1950, t. II; Nouvelles de Justinien sur le droit de succession chez les Arméniens, «Bulletin de l'A. S. de l'U.S.S.R. d'Arménie, Erévan 1952, № 5 et autres.

62. M. V. L e v t c h e n k o. Synesius de Cyrène, «Sur le pouvoir impérial» (traduction et préface), «Vizantiysky Vrémennik», M. 1953, t. VI; L'historien byzantin Agathias de Myrina et sa conception du monde, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1950, t. III.

63. A. B. B a n k, Quelques problèmes discutés de l'histoire de l'art byzantin, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1953, t. VII.

64. Cet ouvrage est prêt à paraître. Les problèmes de l'histoire font par ailleurs l'objet des articles suivants du même auteur: Léon le mathématicien (de l'histoire de la culture byzantine au IXe siècle), «Vizantiysky Vrémennik», M. 1949, t. II; De la question des courants laïques de la culture byzantine au IXe siècle (Kasia), «Vizantiysky Vrémennik», M. 1951, t. IV, et autres.

65. Ce point de vue été également partagé par B. T. G o r i a n o v, Z. V. Oudaltsova et autres.

66. Ce point de vue était partagé par V. N. Lasareff.

67. V. N. L a s a r e f f. Histoire de la peinture byzantine, M. 1948, t. I et II.

68. N. I. B r o u n o v, Ste-Sophie de Kiev — le plus ancien monument de l'architecture en pierre russe, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1950, t. III; L'architecture de Constantinople des IXe-XIIe siècles, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1949, t. II.

69. A. V. B a n k, Quelques problèmes discutés de l'histoire de l'art byzantin, «Vizantiysky Vrémennik», M. 1953, t. VII; Aperçu des relations culturelles de Byzance et du Proche-Orient d'après des objets anciens des Xe-XIVe siècles, travaux de la section d'Orient de l'Ermitage, L, 1940, t. III.

70. P. V. E r n c h t e d t, Deux papyrus grecs de la période byzantine, des collections soviétiques, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1952, № 2.

71. Procope de Césarée, Histoire secrète, traduction du grec de S. P. Kondratiev, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1938,

№ 4(5); Procope de Césarée. sur les constructions, traduction de S. P. Kondratiev, «Bulletin de l'histoire ancienne, M. 1939, N° 4(9); Procope de Césarée. Guerre des Goths, traduction de S. P. Kondratiev, préface de Z. V. Oudaltsova, M. 1950, A g a t h i a s d e M y r i n a sur le règne de Justinien, traduction et postface de M. V. Levtschenko. M.— L., 1953; Nicéphore et son ouvrage historique, traduction et commentaires de E. E. Lipchits, «Vizantiysky Vremennik», M. 1950, t. III; Livre du Préfet, Statuts des corps de métiers byzantins au Xe siècle Sverdlovsk, 1949, traduction et commentaires de M. I. Suzumov, «Bulletin scientifique de l'Institut pédagogique de Sverdlovsk», op. VI; Auteur anonyme byzantin, instructions sur la poliorcétique, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1940, № 3-4, La satire byzantine «Timorion», traduction de S. V. Poliakova et I. V. Félenkovskaïa, préface de E. E. Lipchits, «Vizantiysky Vremennik», M. 1953, t. VI; Les Slaves anciens d'après les extraits des écrits des auteurs gréco-romains et byzantins du VIIe siècle ap. J-C., traduction du grec de S. P. Kondratiev, «Bulletin de l'histoire ancienne», M. 1941, № 1.
